

Татьяна Веденская

Экстрим, или Девушка с амбициями

роман

Лучшие романы об отношениях мужчины и женщины от одного из самых ярких авторов российского мейнстрима. Возвращают к счастливой жизни быстрее, чем сеансы психотерапевта.

Жизнь прекрасна. Позитивная проза Татьяны Веденской

Татьяна Веденская

**Экстрим, или
Девушка с амбициями**

«ЭКСМО»

2005

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Веденская Т.

Экстрим, или Девушка с амбициями / Т. Веденская — «Эксмо»,
2005 — (Жизнь прекрасна. Позитивная проза Татьяны Веденской)

ISBN 978-5-04-180076-5

Любимая работа, приличный заработок, независимость — у талантливого адвоката Ларисы Лапиной было все, вернее, почти все. Недоставало лишь мужчины. Лара могла выбирать любого, но... К сожалению, выбрала не того. Павел не оправдал ее надежд, не смог сделать счастливой и, более того, не захотел стать отцом их общему ребенку... И что же теперь? Смириться с жалкой участью матери-одиночки? Утонуть в море слез? Нет! Нам, современным женщинам, это не подходит. Мы — творцы собственной судьбы. Нам не составит труда переписать неудачный роман набело и привлечь к себе достойного героя. Достойного! Такого, который подарит максимум счастья. Он будет по-настоящему сильным и не побоится проиграть даме сердца, а проиграв, станет уважать и ценить ее еще больше. Ибо нет у мужчин более сильного соперника, чем умная женщина!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180076-5

© Веденская Т., 2005
© Эксмо, 2005

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Татьяна Веденская
Экстрим, или Девушка с амбициями

© Саенко Т., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Часть первая

Вход – рубль, выход – два

Глава 1

Большая четверка

Когда я выхожу по утрам из дома, мне хочется петь. Иногда хочется так сильно, что я еле себя сдерживаю. Особенно если на улице весна или теплое солнечное лето, позволяющее мне демонстрировать лучшие платья. Я счастливый человек! Когда из динамиков моего автомобиля звучит Линда, за лобовым стеклом – солнце, а на дорогах Москвы нет пробок, я сразу чувствую – жизнь удалась. Конечно, я не пишу эти слова черной икрой по красной, но в принципе у меня все хорошо. Мне двадцать пять лет, у меня хорошее образование, работа и прочие составляющие сладкой жизни. Кроме того, на свете достаточно людей, испытывающих периодическую потребность набрать номер моего мобильного телефона и сказать:

– Привет, Ларка. Как дела?

– Отлично, а у тебя как? – отвечаю я всем подряд, хотя далеко не всегда меня это действительно интересует.

– Спасибо. Тоже нормально. Пошли вечером в клуб?

– А что там?

– Будут «Мультфильмы». Пойдешь?

– Я не фанат «Мультфильмов», ты знаешь, но почему бы и нет, – соглашаюсь я. Когда еще, если не в двадцать пять, плясать до упаду в ночных клубах? Разве захочется мне в семьдесят лет пропить ползарплаты, заказывая исключительно текилу? Я хожу на вечеринки, неплохо осведомлена о театральных премьерах и не ударю в грязь лицом в ресторанах.

– С вами приятно иметь дело, – говорят мне на работе клиенты. Они платят деньги, часть которых шеф платит мне. Это позволило мне неделю назад сменить старые «Жигули» на маленький французский автомобильчик красного цвета. «Пежо 206», малолитражка, настоящая городская машина. Дорогая, довольно редкая, но очень, оч-чень красивая и удобная. Когда я пролетаю на ней по широким столичным дорогам, все вокруг провожают меня завистливыми взглядами. Впрочем, тут я немного загнула. Я же не вижу, какими взглядами они меня провожают. Вполне допускаю, что они плюют мне вслед.

– Совсем зажрались, проклятые буржуи. Не могла эта стерва выбрать машину поскромнее? Ишь, кровавая какая окраска.

– Да небось спит с каким-нибудь бандюком!

– Конечно, откуда у нее свои-то бабки?

– Такие-то деньжищи! – и плюют себе под ноги.

А что, очень может быть. Почему-то наш многосложный народ не может допустить мысль, что молодая, красивая девушка сама зарабатывает себе на автомобиль, квартиру и ежегодный билет в какой-нибудь прекрасный уголок планеты. А меж тем все это именно про меня. Мои родители – самые обычные люди. Папа – инженер, потерявший любимую работу в пожарище перестройки. Теперь он два раза в неделю охраняет автостоянку, поливает грязью демократов, ругается на рынке из-за цен и допекает мою маму. Мама – Женщина с большой буквы, всю свою жизнь посвятила мне. Растила, кормила, любила, воспитывала. Помогала делать уроки, вставала в шесть утра, чтобы успеть приготовить нам с папашкой завтрак. Всегда буду благодарна ей за то, что в нашем доме не переводился компот. И не какой-то там

консервный суррогат, а настоящий, свежесваренный и остуженный на подоконнике компот из сухофруктов. Сколько бы я его ни выпивала, мама варила новый.

За нашим кухонным окном папа прибил кормушку для снегирей, и зимой часто я обедала с ними вместе. Они клевали пшено, которое подсыпала заботливая мама, а я сидела за столом возле окна, «клевала» котлету и смотрела на снегирей. Птички привыкли ко мне и не стеснялись. В общем, детство мое было теплым и уютным, но вот уж богачами мои родичи не были. Так же, как и все, высчитывали деньги на санки или новые джинсы. Вместе со всей страной ждали аванса и полочки. В то время вообще было принято быть как все.

И любовничком-олигархом мне к двадцати пяти годам обзавестись не удалось. Сказать, что я обделена мужским вниманием, – было бы погрешить против истины. На светофорах на меня оборачиваются очень часто.

– Девушка, а что вы поделяваете?

– Жду зеленого!

Такие диалоги раньше случались чуть ли не каждый день. Впрочем, обычно подобные знакомства ограничивались предложением перепихнуться по-быстрому на заднем сиденье автомобиля. Поскольку я противник случайных связей, то в конце концов перестала реагировать на бибикание и улюлюкание. А французский автомобиль я купила после того, как мне удалось сдать экзамен в коллегии адвокатов. Шесть долгих лет, с восемнадцати до двадцати трех, я грызла гранит науки в юридической академии, а потом с дипломом в зубах и в страшно неудобном деловом костюме, единственном на тот момент, штурмовала московские юридические консультации в поисках работы.

«У меня есть диплом, я исполнительная, знаю компьютер, могу работать без выходных и перерывов на обед. Не против секса с боссом». – Таким было мое резюме и, несмотря на то что молодых голодных юристов и без меня было предостаточно, я нашла-таки себе козырное место. Ленинский проспект, роскошный офис на первом этаже длинного красивого дома, почти свой кабинет. Почти, так как нас, помощников адвоката, было трое, как и столов в кабинете помощника адвоката. И босс – адвокат Рафик Иванович Аганесов, очень волосатый армянин лет сорока пяти, который заинтересовался последним пунктом моего резюме.

– Доченька, это не очень хорошо – встречаться с женатым мужчиной. И потом, он же твой начальник. Что ты будешь делать, когда он тебя бросит? – причитала мама, когда я в очередной раз отправлялась на работу в короткой кожаной юбке.

– Что делать, мама? Это же такое место, и он не так уж плох. Настоящий мужчина, немножко только чужой. И потом, когда он меня бросит, многое станет проще, – отвечала я и не кривила душой.

Аганесов был галантен, водил по ресторанам, снимал номера в очень приличных гостиницах и прибавлял мне зарплату соразмерно нашему духовному сближению. Когда же наконец его беспокойный взор отвернулся от меня и приковался к ногам новенькой секретарши, я окончательно покорила его своим прагматичным и разумным отношением к особенностям мужской психологии.

– Милый Рафик, я никогда не надеялась стать женщиной твоей жизни. Тем более что у тебя есть жена и четверо детей. Но мне было с тобой хорошо, и ты многому меня научил. Мы прекрасно работаем вместе, и я всегда готова прикрыть тебя перед женой. Так что увольнять меня нет никакого резона.

– Но тебе не будет больно видеть рядом со мной другую? – уточнил он.

– Нет. Я желаю тебе счастья, как, впрочем, и себе, – заверила я Рафика и осталась помощником адвоката в его конторе. А это не так мало. Особенно теперь.

Когда я изъявила желание сдать квалификационный экзамен, Аганесов расчувствовался, вспомнил былое и дал мне такие рекомендации, что корку адвоката мне выдали с первого раза. И вот тогда, на радостях и предвкушая будущие гонорары, я приняла решение купить

в кредит на пять лет мой красненький автомобильчик. Маленький, но ведь мне там не роту солдат возить. Конечно, перспектива пять лет ходить в Сбербанк и отдавать свои кровные не очень впечатляла, но копить, отказывая себе во всем, при этом продолжая дергать рычаг отечественной коробки передач, было еще более невыносимо.

– Обмоем? – предложила я своим самым близким подругам числом три штуки.

– Еще бы! – закивали они. Я буквально видела, как они облизнулись.

– Куда изволите? – спросила я, прикидывая, как бы выгул подруг не обошелся мне дороже первого взноса за автомобиль.

– А поехали в тот пансионат, куда тебя Рафик возил, – не постеснялась общественность.

– Здрасти-мордасти, вы в своем уме? Это ж бешеные бабки.

– А ничего не знаем. Хотим природу, хотим баню на берегу Дубны. Хотим текилы, – отрезали подруги.

Единственное, в чем мы достигли консенсуса, это то, что за номер в дорогом пансионате заплатим на паях.

– Но баня и выпивка – за твой счет.

– Тогда вы обязаны сделать этот вечер незабываемым! – отрезала я и поехала в банк за наличными.

И вот мы мчимся по Дмитровскому шоссе в красивый пансионат. Я за рулем, рядом моя самая любимая сокурсница Дашка Зайницкая, девушка солнечная и теплая. Сидит, щелкает кнопками радиопрограмм и улыбается.

– У тебя есть «Серебряный дождь»?

– «Дождь»? Нет. Я не люблю, когда много новостей и умных разговоров. Мне умных разговоров хватает на работе.

– А что ты тут нашла? Какой-то тяжелый рок, фу.

– Это «Максимум». Между прочим, самая прогрессивная радиостанция, – обиделась я.

Но Дашка переключила на «Хит-FM» и стала рассказывать про перипетии своего многотрудного коллектива. Она работала охранником в штате службы безопасности иностранного посольства. Как и при каких обстоятельствах она, девушка с высшим юридическим образованием, облачилась в армейскую форму – отдельная песня. Но работа ее была столь разнообразно идиотической, что Дашке всегда было о чем рассказать.

– Так вот, когда мы сидели на проходной, пришел проверяющий. Мишка читал Маринину, я дремала, уткнувшись в какие-то папки с бумагами на столе.

– И что?

– Проверяющий зашел и рявкнул мне: «Доложите обстановку». Смотрит волком, словно ему только что понизили зарплату. Такая сволочь!

– А ты?

– А что я могла? Ведь совершенно очевидно было, что я сплю, а он читает.

– Кто? – не поняла я.

– Мишка, мой напарник. Ну, думаю, сейчас нам с ним на пару устроит сладкую жизнь этот хрен.

– Почему?

– Запрещено.

– Что именно? Спать? Или читать?

– Все, – сделала страшные глаза Дарья.

– А что надо делать? – усмехнулась Марго, которая к работе Зайницкой относилась в высшей степени презрительно.

– Исполнять служебный долг. Бдеть.

– Понятно... – протянула я. – А дальше что?

– Я продрала глаза и смотрю на этого хрена с горы так честно-честно. И рапортую: «Изучаем должностную инструкцию». Он прямо подавился от злости. Говорит: «Где же она?» А она и лежала в той папке, на которой я закемарила.

Тогда он подсакивает к Мишке и шипит: «Читаешь? А ты что, забыл, что это запрещено? Предупреждение с занесением захотел?»

– И влепил?

– Ну щаз. Я подхожу и говорю ему, что, мол, никак нет. Никто не читал на рабочем месте. Он пояснял мне, как следует трактовать должностную инструкцию в тех или иных случаях.

– А Маринина зачем?

– Ага! Вот и он спрашивает – зачем, мол? И тут я выдаю коронное: Михаил использует данную книгу как пособие для демонстрации.

Дашка рассмеялась, видимо, вспомнив выражение лица проверяющего, а я задумалась. Интересно, каким пособием может служить книга? А, ладно, все чушь.

Я снова уперлась взглядом в дорожное полотно. У Дашки на работе настоящая армия. Как она выдерживает это – непонятно. Но ради такой зарплаты, которую платит импортный дядя, люди способны проявлять чудеса терпения.

– Чем закончилось-то?

– Проверяющий вытаращился на меня, что-то пробормотал себе под нос и уполз. Гнида. Зато теперь я для всех ветеранов охраны – своя в доску. Не сдала товарища. Правда, этот на нас окрылся.

– Увольняйся. На хрен тебе такое терпеть? – вставила свое веское слово с заднего сиденья Маргарита, девушка больших внешних и внутренних достоинств.

У Маргариты никаких проблем с самооценкой, она у нее достает до облаков. Нам всем до нее далеко. В институте в нее перевлюблялись все мальчики с потока. Всегда роскошно одета, со вкусом накрашена. Мне рядом с ней несколько неуютно, так как всегда найдется то сломанный ноготь, то пятно на юбке. Да что там, порой и вовсе ни капли макияжа и лицо помятое, заспанное. Позор.

– А жить как? – уточнила Дашка этот самый скользкий при потере работы момент.

– У тебя же муж? Его задача – обеспечить тебе достойный уровень жизни, – сказала как отрезала Марго.

Дашка вздохнула:

– Он обеспечит, как же.

– Да ладно вам, девки. Чего вы нагружаетесь? Мы едем в лес, на природу, а вы тут кислитесь, – принялась снимать напряжение Алина.

Сколько ее помню, она всегда снимала любое напряжение. Расслабьтесь – ее главная жизненная рекомендация. Когда мы учились в институте и дрожали перед экзаменом по административному или еще какому-нибудь праву, Алина улыбалась, пила кока-колу и говорила нам:

– Расслабьтесь. Очень надо кому-то вас валить.

Самое интересное, что в основном она оказывалась права. С ней было весело, именно она чаще всего вытаскивала меня на разные вечеринки, пати и сейшены. Чего только мы не творили, когда с нами была Алина.

– Пошли выпьем по стакану водки и перетрахаемся со всеми, с кем успеем, – это был ее жизненный девиз. – А что ж, молодости просто так проходить? Следовать нормам морали будем после пятидесяти.

– Да ты от триппера раньше загнешься, – корили ее мы.

Но какие из нас воспитатели, если сами были хороши. Так что мы гармонично принимали Алинкину распушенность, которая, впрочем, проявлялась больше на словах.

– Расслабьтесь. Подумайте о Дубне, о банщиках, о шашлыках, – попробовала она разрядить обстановку.

– И о том, что все это за счет Лариски, – подлила дегтя Марго.

– Будешь высказываться в таком духе, я тебя высажу прямо посреди этих бескрайних полей. Будешь у русского поля как тонкий колосок, – напугала я ее.

Марго ни черта не напугалась и продолжала меня дразнить до самого пансионата.

Пансионат принял нас в свои стильные индейские объятия. Было около пяти часов вечера, я дико наслаждалась роскошной машинкой, и никакие мелкие подзуживания старых подруг не могли сбить меня с толку. Я аккуратно припарковала ее около забора, и мы пошли оформляться.

Каждый раз, когда я попадала в этот пансионат, мне хотелось остаться здесь навсегда. Впервые меня привез сюда Аганесов. Я была потрясена, когда из глубины русской деревни с ее покосившимися домишками и пьяненькими мужичками на лавках около пивнушки вдруг вынырнули роскошные белые здания в стиле Индианы Джонса. Тяжелые дубовые двери, резные балконы, повсюду чучела то птиц, то волков. Индейские национальные наряды. Красота, покой, сосны до небес и настоящий заграничный сервис. Мини-бары и обслуживающий персонал были везде. Буквально, если бы мне захотелось в лесу поестъ земляники, мне бы ее тут же подали вместе с чеком. И зимой тоже, как мне кажется. Аганесов бегал за мной два дня, постоянно пытаюсь заманить в номер. Но любовные утехы мне к тому времени страшно осточертели, и я уклонялась от них путем посещения всех возможных увеселений пансионата.

– Господи, какая красота! – воскликнула Алина. – Здесь небось и мужики водятся!

– Ты можешь хоть раз в жизни провести время с нами? – возмутилась я.

– Да брось ты. Что мы будем делать с неудовлетворенной Алиной? – утихомирила меня Дашка, и мы пошли в ресторан.

В общем, мы радовались-наслаждались чудесами цивилизации, попили-поели, а поскольку у нас усов не было, то все в рот к нам попало, и после ужина мы, охая и ахая, отлеживались в номере.

– Тут пять пакетиков с шампунем. Один лишний, – пересчитала все бдительная Марго.

– Можешь забрать себе два пакетика, ты ж чистюля, – лениво промямила я. Страшно хотелось спать.

– Я заберу три. А лучше потерпите до завтра. В бане и помоешься, – решила нашу судьбу она.

– Воистину, жить надо на природе! Какой воздух, какая свобода и чистота. Я чувствую себя восемнадцатилетней, – воскликнула Дашка.

– Эка невидаль! Вот если ты себя восемнадцатилетней почувствуешь в сорок – я пойму. А это – ерунда на постном масле.

– Язва ты, Марго.

– Это от недотраха, – промолвила я.

Все зафыркали, но что поделаешь, если я привыкла называть вещи своими именами.

В общем, провести сутки в одном номере и не передрасться до кровавых ссадин – это тоже своеобразный подвиг для нас, но, поскольку все мы девушки серьезные и взрослые, мы выдержали. Назавтра после обеда, где-то около трех, мы сидели в бане, замотанные в простыни, и поднимали стаканы за нас.

– За большую четверку! За нас, таких красивых и умных. – Мы согласно закивали и выпили.

Дальше все вернулось на круги своя. Так получается, что, когда собирается компания, в которой больше одной женщины, разговор всегда переходит к двум темам: как похудеть и про мужиков. Причем я бы сказала, что темы эти – две стороны одной медали, но коллектив не был со мной согласен.

– Ну как же? Что в этом общего?

– Мы худеем, чтобы словить мужика, – заявляла я.

– Ну конечно. Я хую, чтобы прежде всего нравиться самой себе, – утверждала Марго.

– Мужикам на вес наплевать, – уверяла нас Даша.

– Почему это?

– Мой муж с таким удовольствием щупает меня за жир, – ухмыльнулась она, – и вообще, если верить его рукам, то задница – главное достоинство, которым я владею. А она у меня, сами знаете, не из маленьких.

– Да уж, – вздохнули мы и задумались каждая о своей заднице.

– А ты как считаешь, зачем худеть? – спросила я у Алинки.

– Худеть я не буду. Меня и так любят, – отмахнулась она и пошла строить глазки бармену из банного бара.

– Конечно, что за проблемы, если она готова отдаться кому угодно.

– Одно условие – наличие у объекта в штанах прибора, – расхохоталась я и предложила всем не мешать Алине устраивать свое женское счастье и пойти париться.

– Не вопрос, – согласился коллектив, и мы забурились в парилку. Парилка тут знатная. Чудная рубленая баня, настоящая русская печь. Широоченные деревянные полати, стойкий аромат то ли дуба, то ли березы. Лепота.

– Почему в Москве не делают нормальные бани? – возмутилась Марго.

– А чем тебя сауны не устраивают?

– Да это как резиновая кукла. Все на месте, но любви нет, – Марго после пары стопок начала метать бессмертные цитаты.

– Кстати, Лариска, а когда ты уже замуж выйдешь?

– Тебе что, водка не в то горло попала? – возмутилась я. О замужестве я не думала и думать пока вроде бы не желала, так что Дашкин вопрос мне не понравился.

– Ну а что? Тебе двадцать пять, работа есть, перспективы радужные. Сколько же ты карьеру собираешься делать?

– А чего ты к Марго вон не пристаешь или к Алине? – возмутилась я.

– С Марго совсем другой случай, – отбрила меня Дашка.

Из бара вернулась расстроенная Алина, и все с восторгом принялись прочить мне судьбу старой девы и страшные муки одиночества.

– Вы так говорите, словно бы ко мне очередь из женихов выстроилась, а я только и делаю, что их отваживаю.

– А я тебе как психолог говорю, что, пока ты сама не захочешь замуж выйти, никто и не предложит.

– А ты вот скажи мне, психолог, как единственная замужняя среди нас дама. Ты сама сильно счастлива? А, Дашк?

– Я? – Она икнула и задумалась. – Ну а как же? Конечно, счастлива.

– Да? И это ты от счастья своего немереного каждый отпуск проводишь в Турции или Египте?

– Ай-яй-яй! Замужняя женщина, а ведь такое там вытворяешь! – кивнула довольная начатой темой Аля.

– Измена разрушает брак! – внесла свою лепту в заклеивание Даши я.

– Перестаньте, девки. Это же моя трагедия! – попыталась разрыдаться она.

Но я налила всем по стопке, и о рыданиях забыли.

Трагедия Дашки состояла в том, что при всех своих высоких моральных достоинствах муж едва дорос ей до плеча. Маленький и subtilный, он очень радовал ее как личность, но совершенно не возбуждал в постели. Даша мужественно терпела всю зиму, но по весне каждый раз начинала метаться и пытаться развестись, пока не уезжала в отпуск, где за пару недель добирала любви мускулистых загорелых красавцев. Этой инъекции хватало обычно до осени,

и тогда она брала вторую половину отпуска. Так они с Георгием и жили. А поскольку сейчас была весна, а в отпуск Даша еще не ездила, трагедия стояла перед ней во всей красе.

- А нечего меня замуж гнать. За кого мне идти? – продолжила я.
- Да ты после своей волосатой обезьяны никого в упор не видишь.
- Не смей обижать моего Аганесова. Он как-никак мой шеф.
- И что? Вы разошлись больше года назад. Все давно былшем поросло.
- Что именно поросло?
- Не ерничай. Неужели легко без любви?
- Ну почему без любви? – возразила я.

И в самом деле. Во-первых, после интеллигентного, но ненасытного Рафика мне требовался большой перерыв для восстановления. Во-вторых, я время от времени встречалась с одним влюбленным в меня мальчиком. Мы познакомились в юридической академии около полугода назад. Я пришла туда узнать об экзаменах в коллегии адвокатов, а он в этот день сдавал криминологию. Мальчик выскочил из аудитории и заорал, как индеец, который только что содрал с кого-то скальп. Я улыбнулась и спросила:

- Пять?
- Три! – гордо ответил он. – Но и это чудо!
- Молодец, – одобрила я. И вроде бы ничего я такого не планировала, однако через полчаса мы с ним сидели в кабачке неподалеку и пили кофе.
- Сережа, – представился он.
- Лариса Дмитриевна, – представилась я, после чего он посерьезнел и принялся целовать мне руки.

Вечером того же дня он проводил меня до дому, а назавтра мы с ним уже целовались в каком-то кинотеатре. Романтика. Он даже хотел на мне жениться.

- У нас будет двое детей. Ты не против? – спрашивал он.

Но я не обольщалась. Фамилия этого Сережи заканчивалась на «енко», еще пару лет назад он протирал штаны в одиннадцатом классе харьковской школы на Украине. Так что перспектива жениться на юристе с автомобилем, из Москвы, могла быть и не связана напрямую с его большим и светлым чувством. Хотя... Он был обаятелен, я чертовски обаятельна. И, как говорится, ничто не препятствовало. Однако об этой связи я подругам не рассказывала, поскольку не считала ее серьезной. Сережа писал мне стихи и посылал их по SMS. Я улыбалась и писала очередное исковое заявление. Годы учебы в юридическом вузе, а особенно последующая трудовая деятельность у Аганесова убедили меня в том, что брак – дело серьезное и к любви имеющее крайне отдаленное отношение.

Первое же дело, которое мне поручили, было связано с разводом. Расставалась пожилая пара, дорастившая своего отпрыска до отметки дееспособности и решившая более не проедать друг другу плешь. В этом вопросе у них было полное единение. Однако отсутствовала какая-либо договоренность относительно дележа нажитого имущества. Супруга, очарованная напором и мужским обаянием Аганесова, поручила раздел имущества нам.

– Ларочка, составьте опись имущества, найдите свидетелей и выясните требования этого изверга, – через плечо бросил мне Аганесов, и я впервые в жизни погрузилась в разборки разводящихся супругов.

Таких скандалов и оскорблений я до той поры не слышала. А поскольку работа в направлении уголовного права меня с детства пугала, то разводы наряду с прочими гражданскими исками стали для меня нормой жизни. К слову сказать, та семья так и не смогла найти консенсус. Нам оставалось около года вытрясать из мужа бабки наличными. А когда мы с судебными приставами забрали его автомобиль, он чуть не рыдал.

– Извините, девочки, но я даже не знаю, что должно произойти, чтобы я захотела замуж, – честно сказала я, а про себя подумала, что уж лучше встречаться со студентом раз в неделю,

чем потом делить бензопилой мой «Пежо». Хотя он куплен до брака, и делить не придется. Но вообще, штамп – взрывоопасная штука, с которой надо иметь дело только в крайних случаях.

– Да что тут непонятного. Должно произойти одно. Он должен быть богаче тебя настолько, чтобы от развода выиграла ты.

– Такого я еще не встретила. За все двадцать пять лет, – констатировала я.

– А Аганесов?

– У Аганесова четверо детей.

– Ну и что? Надо было развести!

– Ну конечно. И потом жить в ожидании той, которая разведет меня с ним. И вообще, я не так стара, чтобы хвататься за соломинку. Будет еще на нашей улице праздник, – заявила я и почувствовала, что две стандартные темы для обсуждения на женских посиделках меня достали.

Я предложила пойти и обмыть колесики моей машинки. Дальнейшее мы все помним с трудом. Остатки водки мы вылили на колеса, а потом пошли в бар. Кажется, я стояла под оленьими рогами, а Дашка фотографировала меня. Алина с нами в номере не ночевала. Не уверена, что она ночевала в пансионате, так как вновь мы увидели ее только после обеда. Практически перед отъездом она вернулась заспанная, с размазанной тушью, но очень счастливая. А об остальном говорил счет. Когда я его увидела, чуть там же и не кончилась. В конце концов, я, как начинающий адвокат, обремененный кредитом, да еще и без мужа, резко потребовала от подруг участия в оплате. После долгих воплей они покорились моей профессиональной логике и достали кошельки. Правда, Алина только пообещала заплатить, так как денег с собой у нее не оказалось.

– Знаю я тебя. Никогда не заплатишь, – буркнула я, но она лишь упрямо тряхнула головой.

Мы уехали домой. Мама, встретив меня в прихожей, встревоженно посмотрела на мое помятое лицо и повела меня кормить.

– Ну, как отдохнули?

– Отлично, – скривилась я, запивая аналгин компотом.

– А мужчины с вами были?

– Не волнуйся, не было, – по привычке утешила я ее.

– А я волнуюсь, что их никогда с вами нет, – вдруг прошипела мама и покраснела.

– То есть? – изумилась я.

– Я, доченька, знаешь ли, хочу внуков понянчить. Ты ж у меня одна.

– Да еще нанянчишься.

– Когда?.. – с тоской протянула она и затеребила полотенце.

– Ну... какие мои годы.

– Я знаю твои годы. Когда мне было двадцать пять, ты уже в садик пошла.

– Ты ж понимаешь, у меня карьера. Работа. И потом, хорошего мужика сейчас найти практически нереально.

– А ты будь повнимательней. Не требуй многого.

– Мама! – закричала я, чуть не подавившись сырником.

Мама замолчала и ушла к себе. А я отправилась в свою девичью светелку. Кровать, шкаф, в котором все перевернуто вверх дном. Письменный стол, на котором мирно сохнут прошлогодние огрызки. Ну и какая из меня жена? Я за всю долгую жизнь с мамулей даже компот варить не научилась. Что они от меня хотят?

Глава 2

На чужом горе...

На мой день рождения никогда невозможно было собрать людей. Все детство я страдала от этого невыразимо и смертельно завидовала девочкам, у которых мамы и папы были людьми и родили их где-то в течение учебного года. На их даты нас сгоняли всем классом. Родители встречали нас в коридорах захламленных московских квартир, отбирали коробочки с подарками и принимались угощать свежееиспеченными пирогами и газировкой. Именинники устало разглядывали подарки, я с тоской пересчитывала их количество. Пятнадцать-двадцать коробок и кулчков, не меньше.

«Вот бы мне так же», – вздыхала про себя я и шла домой.

Моя дата «икс» пришлась на самую середину лета, на пятнадцатое июля. В лучшем случае я бывала в этот момент на даче. Тогда мама давала добро на созыв всех дачных ребятшек, и мы весь день весело гонялись друг за другом по участку. До сих пор у меня на даче хранятся подаренные: доска для разделки овощей, книга «Темино детство» (про одного скучного революционного мальчика) и куча бэушной детской посуды. На дачах никто не напрягался дарить нормальные подарки. Меня это не слишком смущало. Подарки мне дарили папа с мамой. Хуже было, когда праздник отмечали в Москве. Пятнадцатого июля в городе было шаром покати, просто-таки ни одного одноклассника. Папа брал меня за руку и вел в парк с аттракционами. Я до одурения кружилась по цепочной карусели, набивала пузо мороженым и требовала продолжения банкета. Однако самым поганым был третий вариант пресловутого торжества. Моя мамочка, женщина весьма интеллигентная и терпеливая, была родом из некоего городка Малоярославца. Город по названию, он фактически являлся деревней в полном смысле этого слова. И по сей день эта цитадель экологии и домостроя кишит нашими родственниками разной степени близости. Поэтому каждое лето в разные периоды меня отправляли отдыхать то к бабушке Шуре, маминой маме, то к бабушке Кате, сестре маминой мамы, то еще к кому. Разница была невелика, ибо все они жили на одной и той же улице. Я играла с деревенскими оболтусами в орлянку, они презирали меня как «городскую» и всячески издевались. И очень часто, примерно раз в два-три года, очередной день рождения приходился на период моей ссылки к родне. Тогда съезжалась вся деревня, мне дарили от всех какую-нибудь уродливую куклу, сажали напротив самодельного торта «Наполеон», смотрели и умилялись:

– Да...

– Как дети растут.

– А ведь вот еще вчера была такой крошкой.

– Ну-ка, я тебя поцелую. – Расчувствовавшись, баба Шура крепко прижимала меня к себе и слюнявила до тех пор, пока кто-нибудь еще не испытывал желания «потискать такую крошку». В эти моменты я мечтала праздновать день рождения в полном одиночестве. До сих пор не понимаю, как в подобном коллективе могла появиться на свет и вырасти моя тихая семейная мамочка. А вот компоты были малоярославской фишкой. За месяц житья в каморке второго этажа русской избы бабы Шуры я напивалась его на весь год. Странно, но он никогда не надоедал мне, как и вареная картошка с маслом, луком, зеленью и селедкой.

Что касается дней рождения, то особенно противно было смотреть, как за праздничным столом своевольно и по-хозяйски расположились деревенские мальчишки, те самые, что дразнили меня и дергали за все, за что могли уцепиться. Ели салаты, «Наполеон» и пироги. И строили мне страшные рожи, напоминая, что праздник кончится и начнутся будни.

«Уж мы тогда оторвемся», – смеялись их глаза. «С праздником, желаем счастья!» – говорили их наглые рты.

Я игнорировала мальчишек, как могла, но поскольку от природы была наделена изобретательностью и сообразительностью, то не оставалась в долгу и строила разные каверзы.

Самой удачной за все мое детство была кража одежды у купающихся. Банально, конечно, но приятно было смотреть, как стайка смущенных и дезориентированных малышей, потеряв всю свою агрессивность, бежала по кустам от речки до самой деревни. Конечно, на такое я одна бы не решилась, но был у меня в Малоярославце верный боевой друг, единственная отрада. Его звали Пашей, он был моим не то троюродным, не то четвероюродным дядей.

– Он тебе не кровная родня. Это новой жены сводного брата нашего дяди Сережи сын от первого брака, – объяснила баба Катя, хотя понятнее мне не стало. Мои логические таланты оказались не в состоянии соединить всю цепь воедино. Но поскольку даже сам дядя Сережа был для меня родней весьма отдаленной, установить нашу с Пашкой родственную связь представлялось невозможным.

Правильно говорят, что дружба рождается не на крови, а на сердце. Сколько я помню себя в деревне, столько я помню себя вместе с ним. И конечно, мы не только выкрадывали одежду моих обидчиков. Мы вместе собирали грибы, купались, в дождь сидели на чердаке и мечтали, как будем вместе... Версии менялись. То вместе учиться, то вместе ходить в походы по тайге, то работать. Ничего мы вместе делать не стали, но воспоминания друг о друге оставили самые приятные.

С тех пор как я окончила школу, я была в Малоярославце всего два-три раза. Видела тех самых деревенских мальчишек, которые лузгали семечки. Теперь они работали в колхозе, все попережились и по-прежнему вечерами собирались на лавочках на улице, только уже пили водку и лузгали семечки, как закуску. Пашка Мелков женился и уехал к жене в Серпухов. Говорили, что он работает водителем на «Газели», перевозит стройматериалы.

– А ведь умный был парнишка, мог бы далеко пойти. Как и ты, – вздохнула баба Шура, рассказав мне все, что про него знала.

Я приехала к ней впервые за четыре года, и вид моего кровавого «Пежо» вкупе со страшным словом «адвокат» потряс старушку. Она долго ходила вокруг чуда враждебной техники, не решаясь притронуться даже пальцем. Потом с уважением посмотрела на меня и промолвила:

– Нынче не то, что давеча. Экие времена.

– Понятное дело, – кивнула я и пошла пройтись по лесу.

Ужасно люблю гулять по лесу и не боюсь ничего. С детства угрюмая тень деревьев и заросли колючего кустарника казались мне куда более безопасными, нежели общество некоторых людей. Я шла, вспоминала прошедшие в этих лесах мои юные годы и думала в очередной раз, что ни за какие коврижки не согласилась бы поселиться здесь навсегда. Пусть хоть тридцать раз чистый воздух. Хотя как в горах. Не хочу жить до ста лет, если придется смотреть на мир тупыми коровьими глазами и питаться молоком, от которого разит навозом и коровником. Из Москвы я ни ногой.

В этом году мы с мамой были приглашены на свадьбу какой-то очередной племянницы. Обычно я пропускаю подобные мероприятия, у меня на них аллергия с детства. Однако в этот раз мамусе удалось меня уговорить. Она давила на ностальгию.

– Ведь бабушка-то не вечна. Вспомни, как она в детстве за тобой ходила.

– И что теперь? Ей охота и в молодости за мной походить? – отмахивалась я.

– Помрет, тебя не благословив, что делать будешь? – выдвинула контраргумент мама.

Я призадумалась. Но не сдалась:

– Благословит-благословит. По электронной почте, – грубо вывернулась я и уже совсем было решила, что и на этот раз мне не придется пить «Ах, эта свадьба, свадьба, свадьба пела и что-то там ела», но мама подготовилась основательно.

– Там Паша будет. Представляешь, Ларочка, как вам будет интересно посмотреть друг на друга.

– А надолго? – начала проламываться я.

– Да нет, всего на три дня, – залепетала она и принялась мне обещать, что машину она сама потом помоеет, и что бензин оплатит, и что пирогов напечет.

– Я поняла, ты хочешь на «Пежо» прокатиться! – хлопнула я себя по коленке. То-то маман никак не отцепится. Это при ее-то природной интеллигентности.

А что, это и правда аргумент. Поеду выпендююсь перед всем честным народом. Пусть зеленеют. Эти деревенские мужланы ничего, кроме тракторов и «уазиков», в простонародье именуемых «козлами», и не видели.

– Интересно, Пашка привезет жену? – бросила я куда-то в воздух.

– Наверно, – равнодушно дернула плечами мама. Она своей цели достигла, и дальнейшие мои моральные мучения были ей безразличны.

И вот теперь я возвращалась из леса в дом бабы Шуры и кляла все на свете. Черт меня дернул согласиться приехать и участвовать в этой тягомотине.

– Привет. Ну и кислое у тебя лицо. Мне тоже дико не хотелось переться в такую даль.

– Пашка! – воскликнула я, когда увидела улыбающуюся физиономию друга детства.

– Ларка! Как ты изменилась.

– Ты тоже. Тебя надо в дяди Степы переоформлять. Длинный да тощий.

– Поздно. И так уже все дети во дворе дразнятся, – рассмеялся Пашка, а я подумала, что, пожалуй, преждевременно говорила, что надо валить.

И, как всегда в детстве, словно читая мои мысли, Паша изрек:

– Я сначала думал, что будет страшная скучища, а теперь даже рад, что я здесь. Когда мне показали роскошную бибику и сказали, чья она, я решил, что уик-энд не будет напрасным.

– Только что я подумала то же самое, – прыснула я со смеху. – И вообще согласилась сюда приехать, только когда узнала, что ты здесь будешь. Ты с женой?

– Нет. Она не захотела ехать в такую даль, – сказал Пашка, а я увидела, как на его открытое улыбающееся лицо легла тень.

– Что-то не так? – спросила я на всякий случай, испытывая неземное удовольствие от того, что после стольких лет мы не почувствовали себя чужими людьми. Мне, откровенно говоря, было совершенно все равно, что не так у него с женой. Как и все детство, я чувствовала его своей собственностью. Своей, и больше ничьей.

– А, вот и они. Что я вам говорил, не успели приехать, как уже вместе откуда-то прутся, – забасил чуть подвыпивший дядя Сережа. Он имел право, именно его дочка выходила замуж сегодня. Если я ничего не путала.

– Пряма любовь, – поддал откуда-то незнакомый мне плюгавенький мужичонка. Поддал и усталился на мою грудь.

– Ларочка, надела бы ты платок, деточка. Простудишься, – подскочила баба Катя. Она явно пыталась закрыть чем-нибудь мое вызывающее декольте.

Я рассмеялась.

Родня начала стекаться, и я подумала, как бы мне все это пережить.

– Я буду рядом, – прошептал мне на ухо Павел. Прошептал чуть склонившись, так как оказалось, что он выше меня чуть ли не на полторы головы.

Я расправила плечи. По крайней мере, сегодня я буду рядом с красивым и молодым мужчиной, который смотрит на меня теплым и понимающим взглядом. Не так уж и мало.

Мы много ходили в тот день. Дошли до местного загса, где долго звенели стаканами под крики «Горько!» и предложения расписаться в книге актов гражданского состояния. А поскольку в ближайшие три дня мне не надо было садиться за руль, я решила расслабиться и весело хохотала, чокаясь с Пашей граненым стаканом, в который лили то дешевое шампанское, то какую-то местную политуру народного производства. Ее я старалась выливать, но иногда не успевала и выпивала.

– Лариса Дмитриевна, это не для дам, простите, – извинялся дядя Сережа.

До церкви, где, по традициям деревни, Галю должны были обвенчать с ее суженым на веки вечные, надо было идти около сорока минут. Мы с Пашей смотрелись неплохо, так как не были обременены ни горячительным, ни закусками. Хуже всего пришлось невесте. Ей надо было изображать неземное счастье, прогуливаясь легким шагом по тридцатиградусной жаре в туфлях на десятисантиметровом каблучке, в фате и полиэстеровом платье с таким длинным шлейфом, что приходилось его поднимать.

– Бедняжка, – покачала я головой, наблюдая за невестой.

– Да уж, – согласился со мной Пашка, и мы не сговариваясь прыснули.

– Ш-ш-ш... – зашипели родственники.

В церкви было прохладно, что радовало, и тесно, что огорчало. Я практически ничего не видела. Только вдыхала ладан, крестилась вместе со всеми и ждала, когда же все закончится.

– Хочешь, я тебя к себе на плечи посажу? – шепнул мне на ухо Павел.

– Зачем? – затупила я.

– Чтобы не пропустить шоу. А то у тебя места на галерке.

Я расхохоталась в голос и тут же заткнула в себя этот смех. Я так и представила, как сижу у Пашки на плечах, машу флажком с какой-нибудь церковной символикой и кричу: «Горько-горько!»

– Нет, спасибо, – чинно ответила я. – Лучше расскажи, что там происходит.

– Изволь, – улыбнулся он и начал зверски меня смешить, в лицах изображая таинство венчания: невесту, жениха (похожего на агнца, которого принесут в жертву) и батюшку, доброго неторопливого старика, с удовольствием отрабатывающего все положенные молитвы.

К концу обряда я думала, что нас с Пашкой выведут вон, как школьников, за аморальное поведение. Но все обошлось, и к вечеру мы оказались за праздничным столом, на котором самогон закусывали селедкой и пирогами. Прямо как на моем дне рождения.

Невеста была похожа на линялую тряпку, так она устала. У нее не было сил даже целоваться. А у жениха не было не только сил, но и желания. И самого жениха, в общем-то, тоже не было. По старой русской традиции, он напился и спал в углу на стульчике. Никого это не удивляло. Включая невесту. Меня это тоже не удивляло.

Я поражалась, как два удивительно похожих, таких удивительно подходящих друг другу человека могли потеряться и не общаться все эти годы. Чем дальше, тем становилось очевиднее, что мы с ним понимаем друг друга с полуслова. Мы с Пашей.

– Расскажи о своей работе, – сказал мне Паша, когда мы отсидели положенные часы праздника и собрались уйти.

Старейшины рода напились и перестали интересоваться, с какими отметками мы окончили «восьмилетку». Школу тут называли только так, и никто не желал знать, что я отучилась все одиннадцать.

– И в институте училась? Надо же! А почему ты не замужем? – спрашивали меня все подряд, словно в институте только и делают, что подбирают женихов.

– Пока не спешу. Занимаюсь карьерой, – отвечала я.

– А деток чего не заведешь?

В конце концов от этих вопросов я стала покрываться пятнами. Так и слышала, как на следующий день в деревне будут говорить, что «в этой пигалице, видать, скрытый дефект. Вот никто замуж и не берет, несмотря на автомобиль. А может, вообще чем-то больна».

– Хочешь погулять? – спросил Паша.

Я обрадованно кивнула, посмотрела через стол на орущую толпу родни и быстренько пробралась к двери.

– Куда пойдем? – спросила я, чувствуя странные приливы удовольствия при взгляде на Павла.

– Куда скажешь. Хочешь, пошли к реке.

– Будем купаться? – встрепелась я. Совсем не подумав о жаре, я не взяла купальник, о чем теперь очень пожалела.

– Я бы с удовольствием. Только я без плавок. Ты не упадешь в обморок при виде голого мужчины? – спросил Павел и посмотрел на меня так, что я тут же чуть не упала в этот самый обморок. Посмотрел на меня взглядом, в котором читалось, что между нами возможно все.

– А ты как, переносишь темнеющие на фоне вечерней воды контуры голого женского тела? – с вызовом спросила я.

Павел кивнул и поцеловал меня.

– А как же...

– Молчи, – сказал он, и я замолчала.

Действительно, бог с ней, с женой. Я же не замуж за него иду, а так, целуюсь, и все. Я объяснилась со своей совестью, мельком подумала про студента Сережу и отдалась процессу. Ночь, алкогольные пары, взаимная приязнь сделали свое дело, и мы целовались, как сумасшедшие, на берегу реки. Комары, байдарочники и местная молодежь сделали свое и не дали нам довершить наше грехопадение.

– Вот черт, я так давно тебя не видел, а эти уроды не дадут поговорить по-человечески, – злился Паша.

– Поговорить? – улыбалась я, с удовольствием отметив, что у меня от этих «разговоров» начинают болеть губы.

– Я даже не представляю, как мог без тебя жить все это время.

– Я тоже, – сказала я, но про себя призналась, что о Пашке все это время не вспоминала вовсе.

– Что же нам делать? – спросил он.

Я подумала было предложить ему на выбор любой из местных мотелей, но оказалось, что Пашка имел в виду не это.

– Мы с женой удивительно плохо живем, – сказал он и замолчал.

Я тоже молчала и думала о том, сколько мужчин рассказывают эту сказку случайно встретившейся молодой красивой женщине, чтобы примирить ее с существованием жены. Интересно, что дальше? Он живет с ней из чувства долга? Она чем-то больна, и он не может вот так ее оставить? Или все это только ради ребенка? Кстати, у него есть ребенок?

– У тебя есть дети?

– Да, – кивнул Паша, и дальнейшая версия стала проясняться. – Ты все не так поняла.

– А как я поняла? – поинтересовалась я.

А если у меня есть возможность провести приятную ночь в обществе приятного мне (женатого) мужчины, то почему я должна эту возможность упускать, заботясь о благополучной семейной жизни какой-то неизвестной мне женщины?

– На самом деле, моя жена ни в грош меня не ставит. С самого начала.

– Почему? – Я решилась наконец-то просто поинтересоваться проблемами старого друга детства.

– Не знаю. Я ее никогда не любил, может, поэтому. Сколько мы живем, она мне как будто мстит за это.

– А зачем же...

– Затем. Так, легкий роман. Она – интересная женщина, врач, умеет себя подать. Я ей нравился, и она решила заполучить меня любой ценой.

– Идиотизм.

– Не говори. В общем, она забеременела.

– Понятно, – протянула я. Мелкий юридический черт внутри меня зашептал: «Ну, что я говорил! Ради ребенка!» Я заткнула черта и посильнее прижалась к Пашиной груди.

– Я был против, говорил ей, что это безумие, что я к этому не готов. Но она ничего не слушала.

– Родила?

– Да, – угрюмо кивнул он.

– Кого?

– Дочку. Ксению. Самое ужасное, что я ее люблю, очень люблю. И никак не могу бросить.

– Ясное дело. Но ведь так тоже невозможно, – решила я ему подыграть.

– Теперь это совершенно очевидно.

– Почему? – внутри меня все замерло в предвкушении.

– Потому что я встретил тебя.

Павел снова посмотрел мне в глаза, и я увидела в них такую боль, что мне стало страшно за себя и за него. И так как-то жутковато и сладко от предвкушения сильного чувства, которого у меня давным-давно не было. И черт с ней, с женой! В конце концов, еще раз повторю, как молитву: я ведь не собираюсь рушить семью. Тем более если Пашкина жена сама его так привязала без любви.

– А сколько лет дочке? – перевела я тему, стараясь потянуть и эту ночь, и этот миг жизни, неожиданно-негаданно свалившийся на мою голову.

– Двенадцать лет.

– Красивая?

– В мать, – с горечью добавил Павел.

– Что-то не так?

– Не так. Она ее воспитала в нелюбви ко мне. Теперь дочь точно так же меня не замечает. Слова доброго не скажет и смотрит на меня глазами своей матери. Мне так больно, что я... – Он опустил лицо в ладони и застыл.

Я не знала, что мне делать. Тихонько гладила его по волосам, так же как в детстве, и молчала.

– Извини, я не хотел срываться.

– Ничего, – тоном заботливой мамочки прощепетала я.

– Сегодня, когда я увидел тебя, я понял, что всегда тебя искал во всех женщинах моей жизни. Во всех лицах я хотел видеть только твое. Всегда, когда я кого-то обнимал, я обнимал тебя. И вот я тебя встретил, и ты еще прекраснее, сильнее и чище, чем я представлял себе. И я бы хотел бросить к твоим ногам весь мир, но не могу. Не могу по собственной дури.

– Ну что ты, – вырвалось у меня.

Павел вскочил и стоял, такой нелепый и такой милый. Эдакий неуклюжий карандаш. Длиннющий и худощавый, с красивым лицом. Он чуть подслеповато щурил глаза, пытаясь разглядеть меня в сумраке, взъерошенный и возбужденный.

– Прости. Оказалось, что мне нечего тебе предложить.

– Мне ничего и не нужно, – успокоила я его. – Сегодня, когда я увидела тебя, мне тоже показалось, будто я нашла что-то очень родное и близкое, что и не надеялась никогда найти.

– Лара, ты не понимаешь, – глухо прорычал Пашка. – Что ты со мной делаешь! Я потеряю остатки разума.

– И пусть, – усмехнулась я.

В общем, остатки разума мы, конечно же, потеряли. И теряли их все оставшиеся два дня. Мы теряли их в лесу, звонко отгоняя от самых нежных наших мест комаров. Мы совершенно потеряли разум, а также последний стыд в старой сторожке, о которой вспомнили случайно и которая, на удачу, еще не развалилась со времен нашего детства. А когда пришло время прощаться, нам было ни капельки не совестно. Только с родственниками было немного странно общаться.

– Приезжай еще, Ларочка! – попросила баба Шура и вдруг расплакалась, когда я стояла у «Пежо».

Я тоже расплакалась, так как состояние мое было в высшей степени сентиментально.

– Благословляю, – крестила она меня вслед.

А я, как только повернула на шоссе, сначала судорожно перебрала в уме все самые запомнившиеся мне сцены. Особенно тщательно вспомнила прощальную, когда уже утоливший так называемый любовный голод Павел нежно целовал меня куда придется и шептал:

– Ты так прекрасна, что у меня кружится голова. Вот ты сегодня уезжаешь, а я не верю.

– Я тоже не верю, – говорила я, и мне было жутко хорошо.

– Я никогда не смогу тебя забыть, поэтому не буду даже и пытаться.

– В смысле? Зачем тебе меня забывать? – спросила я.

– Ты не увливай. Я надеюсь, ты понимаешь, что это был не просто пьяный секс на чужой свадьбе?

– Понимаю, – согласилась я. Действительно, что угодно, но не пьяный секс.

– Немедленно оставь мне свой номер телефона.

– Какого? – скокетничала я.

– Всех. Мобильных, домашних, спутниковых, рабочих. И адреса всех квартир, хаз, малин, явок и прочих мест, где я могу тебя застать. – Глаза Павла смеялись.

– Так, начнем. Кремль, Куршавель, Волен... Что там еще. – Мои глаза, видимо, смеялись тоже.

– Что у тебя с лицом? – вдруг вклинился в мои воспоминания мамин голос. Я тряхнула головой и посмотрела на нее. Она сидела на соседнем, пассажирском сиденье и смотрела на меня так озабоченно, словно сейчас примется измерять мне температуру.

– А что? – глупо переспросила я.

– У тебя с Пашей что-то было или нам показалось?

– Ну надо же! – восхитилась я. – Это кому, «нам»?

– Мне и бабе Шуре.

– А, понятно. Старая сплетница в строю, – разозлилась я.

– Не обижайся, просто нам показалось.

– А если не показалось, что теперь?

– Но он женат!

– А я не замужем, – выпалила я и с вызовом уставилась на мать.

– Доченька, даже если бы Паша был свободен, я не была бы рада.

– Интересно, почему?

– Он мне не нравится.

– ПОЧЕМУ? – заорала я, не контролируя себя.

– Он не сделает тебя счастливой. Я это чувствую.

– Тогда понятно, – расслабилась я.

В конце концов, ей никогда не нравились мои мальчишки. Дай ей волю, она отдаст меня за выпускника духовной семинарии. Я не вижу в этом ничего плохого, но, согласитесь, не очень подходящая пара – батюшка и адвокат с бульдожьей хваткой и кощейевой алчностью. И вообще, может быть, Паша мне не позвонит. Тогда и проблем не будет, успокоила я себя. И сразу стало так легко! Мы просто хорошие старые знакомые, просто провели вместе прекрасный уик-энд.

Глава 3

...Свое счастье...

Будни навалились на меня со всей очевидностью. Голова болела от работы. Я, конечно, ее люблю, но, если бы мне сказали, что я могу не работать, а кто-то добрый и щедрый сверху будет сыпать меня купюрами, я бы согласилась. А что? Это вовсе не значит, что я легла бы на диван и стала проводить время жизни, поедая картофельные чипсы у голубого экрана и стараясь предугадать очередной поворот тугой и неторопливой реки мексиканского сериала. Многие так и поступают, но не я. Я нашла бы другие занятия, поинтереснее. Я бы долго и тщательно ухаживала за собой. Я бы со вкусом, умом и смыслом покупала каждый свой наряд. А то сейчас я влетаю в магазин в перерыве между клиентами, хватаю первый приблизительно подходящий по размеру костюмчик и несусь выполнять план Аганесова. И вообще, стану рисовать, снимать кино, организовывать приемы... Да... Кто бы сыпал меня купюрами, как перцем? Дураков нет, это понятно.

В общем, я вернулась в Москву и сразу влилась в круговорот юридической рутины. Я непременно забыла бы историю с Пашей, если бы он действительно не позвонил. Но он, как это ни странно, позвонил на следующий же день.

– Лара, скажи, ты обо мне еще помнишь?

– Конечно, – кивнула я, старательно вчитываясь в текст Инструкции о порядке регистрации граждан на территории РФ. Я пыталась предположительно установить конституционность требований письменного согласия собственников на регистрацию одного из них, и, конечно, в мыслях у меня не было думать о Паше Мелкове. Но все равно мне было приятно услышать его голос.

– А чем ты занята?

– Я... э... работаю.

– Ты в суде? – Павел был явно настроен поболтать в отличие от меня.

– Да нет, готовлю один документ. А ты где?

– Я думаю о тебе. Не переставая. Я дома.

– В Серпухове?

– Угу. Мне тут очень-очень плохо без тебя. Когда увидимся?

– Я даже и не знаю... – протянула я. Паша был мне очень приятен, но втягиваться в долгий мучительный роман с женатым мужчиной я не собиралась.

– Я завтра повезу в Москву цемент. Могу потом заехать к тебе.

– Куда? – поинтересовалась я удивленно. То-то обрадуется моя мама.

– Куда скажешь, – отдал инициативу в мои руки Павел.

– Я могу, конечно, пригласить тебя к себе попить чайку. Мама обрадуется, я думаю. Только ты уверен, что именно этого хочешь? – отбрила я его. Пусть сам решает вопросы, если хочет волнующих отношений вдали от своей бесчувственной жены.

– Я тогда должен подумать, что делать, – ответил Пашка. Я не возражала. – Но я обязательно что-нибудь придумаю.

– Ясно дело, – хмыкнула я и повесила трубку.

До вечера никто не мешал мне дедутировать относительно перспектив посудиться с паспортными службами Москвы. Однако что-то в голосе Павла показалось мне смутно знакомым. Так в сериалах моей мамы герои говорили, когда решались на что-нибудь великое. Я спокойно вернулась из офиса домой, выпила чаю и задумалась о будущем Пашиного со мной романа. Студент меня задолбал. Хороших кандидатов в мужья вокруг нет. Если бы Паша был свободен, я однозначно рассматривала бы его в качестве жизненного шанса. Он красив, умен, в меру интеллигентен. Мы хорошо знаем и понимаем друг друга, мы нравимся друг другу. Нам

хорошо в постели. Но у него жена и, что самое плохое, любимая дочь. Я никак не могу встать на пути счастья ребенка. Правда, Паша говорил, что Ксюша к нему совершенно равнодушна, но, думаю, он утрировал. Что же мне с ним делать? Если он уже позвонил, значит, появится снова.

– А почему бы тебе не закрутить роман? – резонно спросила меня Дашка, когда я позвонила ей.

– Ну а как же совесть? – загрустила я.

– При чем здесь твоя совесть? Ты, что ли, жене будешь изменять?

– Нет, – тупо признала я.

– Вот пусть твой Паша ею и мучается. Я поняла бы еще, если бы я оказалась на твоём месте. Я каждый раз совестью мучаюсь.

– Ага. Но это не спасает положения.

– Именно. Так что не пытайся обмануть инстинкты, – подвела она итог и не без удовольствия отметила, что, слава богу, теперь не одна она среди нас будет не без греха.

Звонить Алине я не стала, ее ответ был для меня очевиден: «О чем речь? Он нравится тебе? Тогда вперед...» Алина вообще не поняла бы, о чем тут рассуждать. Марго же открыла мне взгляд с другой стороны.

– Самый лучший расклад. Он с тобой спит, дарит тебе цветы и водит в кабаки, а носки с трусами, пепельницы с окурками и варку борщей ты оставляешь другой.

– Ты права, – кивнула я и подумала, что никому не обещала быть ангелом. До Страшного суда еще далеко, а кушать хочется сейчас. Только... Паша с его профессией шофера вряд ли обеспечит мне бриллианты и рестораны. Однако мне показалось это такой мелочью, что придираться было бы нехорошо.

Назавтра Паша позвонил в обед и предложил встретиться около моей работы. Я не возражала и в шесть часов уже маячила у подъезда, ожидая его «Газель». Меня мучил вопрос, придется ли мне кататься по городу на этом чуде отечественного автопрома или удастся уговорить Пашу поехать на моей машине.

– Какая ты солидная барышня!.. – восхитился он, увидев мой деловой костюм и не менее деловое выражение лица.

Я не без удовольствия поцокала перед ним каблуками и спросила:

– Что будем делать?

– А чего бы ты хотела?

– Из чего выбирать? Ресторан, бар, стриптиз? – пошутила я.

– Прогулка по городу, ужин на двоих в квартире моего хорошего знакомого, ночь со мной там же. Как тебе такой план? – Павел притянул меня к себе и поцеловал.

Я почувствовала себя глупой и счастливой одновременно.

– Принимается, – решила я, и мы поехали. На обеих машинах через весь город в какое-то странное место под названием Бусиново.

На северной окраине столицы располагался район, состоявший из нескольких жилых домов и огромных труб ТЭЦ. В небе клубились пары воды. Они срастались в клочкастые низкие облака и оседали на землю мелкой водяной взвесью. Наверное, в этом месте было сыро даже в самую солнечную летнюю погоду. И лица аборигенов выражали одновременно терпение и муку.

– Вот этот дом. – Паша махнул в сторону серой от времени шестнадцатизэтажной башни.

– Слава богу, а то находиться на здешней улице мне совершенно не хочется.

– Да уж, неприятное место. Но для меня главное, что ты рядом! – Он сжал мою ладонь, и мы вошли в подъезд.

Дальнейшие события обрушились на меня со стремительностью снежной лавины. Я была готова к чему угодно, но только не к тому, что произошло в действительности. Не первый день живя на свете и хорошо зная особенности и повадки мужчин, я допускала и простой секс

в командировках из Серпухова в Москву, и красивый, бодрящий, как ледяная кола, роман с обещаниями, которых никто никогда не исполняет, с подарками, которые оставляют приятные воспоминания. Возможно, даже долгую нежную дружбу с налетом эротики, но только не это. Паша, по-прежнему проникновенно глядя мне в глаза, перевернулся на чужом скрипучем диване и сказал:

– Ты знаешь, я действительно не могу без тебя. Совсем.

– Я тоже.

– Ты можешь, я вижу, – меланхолично поглаживая мою грудь, стенал он.

– Нет же, я тоже очень, очень тебя люблю, – убедительно повторяла я, сама начиная в это верить.

Вот тут он меня и огорошил.

– Я обо всем поговорил с женой.

– О чем? – Я поперхнулась слюной и истерично закашлялась.

– О нас с тобой. О том, что я люблю и всегда любил только тебя. И что теперь я никак не могу остаться с ней.

– Ты уверен? – выдавила я из себя. Я не была готова к такому повороту. Полностью лишенная привычных ориентиров, я понеслась по воле мутных бурлящих волн.

– Что ты, абсолютно. Я все время думаю только о тебе. Но...

– Что?

– Ты-то действительно меня любишь? Ты говорила серьезно? – спросил Паша и принялся целовать меня в шею.

Уверена ли я? Да черт его знает. Он хороший парень, но, если вдуматься, я его совсем не знаю. Знаю только, что он отлично целуется и что в детстве не дергал меня за волосы.

– Люблю, – выдохнула я, испытывая жуткое чувство неловкости, непонятно почему.

– Я хочу быть с тобой всегда и везде. Жить одной жизнью, с этого дня и до самой старости. Хочу решать все твои проблемы, рожать с тобой детей и вместе водить их в школу.

– Я тоже, – скорее по инерции шептала я. Голова кружилась от его поцелуев.

– Я бросил жену. Ты понимаешь, что я ради тебя оставил все?

– Понимаю. – На самом деле я совершенно ничего не понимала. Как он мог так все решить? А дочь? А работа?

– А дочь? Как она? А работа?

– Дочери я не нужен, я рассказывал тебе. А работа? Так и здесь, в Москве, работы полно. Найду что-нибудь.

«А где ты будешь жить?» – чуть было не слетело у меня с языка, как вдруг, глядя в его глаза, я осознала: он уверен, что мы будем жить вместе.

У меня окончательно сорвало башню. Никогда еще я не встречала мужчину, который с такой готовностью и с таким чувством бросил бы к моим ногам всю свою жизнь. Разве я могла этого не оценить? Разве выпал бы мне в жизни еще один шанс?

Позднее, когда я рассказала Марго и Дашке, как так вышло, что я снимаю маленькую однокомнатную квартиру на Петровско-Разумовской, они согласились – устоять под таким напором практически невозможно.

– Интересно, а он спросил у тебя, желаешь ли ты таких жертв? – поинтересовалась Марго, задетая красотой момента.

– Ну... как сказать...

– Прямо.

– Прямо – нет. Но я дала ему понять, что люблю его.

– И что? – не унималась Марго. – Если ты его, так скажем, любишь, сразу надо все бросать и кидаться в омут семейного быта?

– Не знаю. А что мне было делать?

– Надо было спокойно и с достоинством попросить время подумать.

– Ага. И отказаться, – передразнила менторский тон Марго Дашка.

– Может быть. А теперь тебе придется без всякого медового месяца переходить к семейным будням. Тебе еще не звонила его жена?

– Нет, – слушала я.

На тот момент мы жили вместе уже месяц. Не могу сказать, что новая жизнь была похожа на сказку. После памятной ночи в Бусинове мы приехали с Пашей ко мне домой, и я сказала родителям, что мы любим друг друга и будем жить вместе.

Случился первый скандал.

– Пусть этот проходимец выйдет, я хочу поговорить со своей дочерью, – пророкотал папа.

– При всем уважении к вам, если я выйду, она выйдет вместе со мной, – отбрил папулю Паша.

Папа побледнел так, что я перепугалась и принялась прыгать вокруг него и рассказывать о том, как я люблю Пашу и как все будет хорошо. Мама сидела с грустным лицом и обреченно качала головой.

– Зачем тебе это, дочка? – спросила она меня.

Я промолчала, так как и сама до конца не понимала, зачем мне это. В конце концов Паша отвоевал право пересидеть в доме моих родителей пару недель, пока мы с ним не снимем квартиру. Он вытащил из «Газели» сумку, набитую какими-то штанами, книгами и автомобильными запчастями, и занес ее ко мне в комнату. Глядя, как Павел располагается на моей кровати, я чуть было не сдала назад и не попросила его вернуться к жене. У меня перед глазами стояла Дашка. Пьяная, вся в слезах и с вечным вопросом: почему вы не дали мне тогда от него уйти? Тогда – это еще в институте. Дашка поняла, что муж ей на фиг не нужен, но родственники, подруги (то есть мы) и главным образом ребенок не позволили ей тут же разорвать этот узел.

Я вдруг испугалась повторить ее судьбу.

– Иди ко мне, – притянул меня по-собственнически Паша, и все сомнения вылетели из моей башки.

Наутро я должна была идти на работу. С чугунной головой, с красными от недосыпа глазами я вяло перебирала бумажки в офисе и отвратительно сухо общалась с клиентами. Мысли в голове крутились самые разные. Как Паша собирается здесь жить? На что? И где, собственно говоря? Если он ушел из-за меня от жены, я тоже становлюсь ответственной за сложившуюся ситуацию.

– Во сколько ты заканчиваешь? – ворвался в мое сознание его голос из мобильного.

– В шесть, – ответила я.

– Я за тобой заеду.

– Я на машине.

– Ах, да... Тогда я буду без нее, – вышел из положения Павел.

В шесть он стоял и подпирал стену моего офиса. Мы поехали домой. Ехали молча, словно нам и не о чем было поговорить. Я поглядывала на Пашу, слегка отводя глаза от дороги. Он казался мне красивым и растерянным. Мы ехали домой. Я со своим мужем еду домой, сейчас мы зайдем в магазин и приготовим вместе ужин. Потом можно прогуляться и поговорить. И так каждый день. Разве не мечта? Разве не об этом я мечтаю уже давно?

– О чем ты думаешь? – нарушил молчание Павел.

– О тебе, – честно ответила я. – О наших отношениях, о том, что с нами будет.

– Хочешь поговорить об этом?

– Можно, – кивнула я, разворачиваясь под стрелку на светофоре, – только не сейчас. Дома.

– Дома так дома, – он нежно погладил меня по волосам.

С кем еще я так откровенно могла бы говорить? А может, это и вправду мой шанс? Конечно, придется как-то налаживать отношения с родителями, но... в общем, стерпится-слюбится. И надо решить вопрос с разводом, если Павел фактически уже ушел ко мне. Господи, как все быстро произошло и как необратимы перемены. Аж дух захватывает.

– Я хотел приготовить что-нибудь на ужин. Что бы ты хотела? – Мы стояли в магазине около дома.

– Я... А что ты умеешь?

– Вообще-то я почти профессиональный повар. – Он улыбнулся.

– Как это? Когда ты успел и где? Кто тебя учил?

– Сколько вопросов. Давай так. Я приготовлю то, что сам сочту подходящим, а ты оценишь.

– Согласна. – Я посмотрела на него взглядом, которым смотрят на прислугу.

Пашка засмеялся и притянул меня к себе. Я уж и не помнила, когда столько целовалась. Через пару часов я, просто в восторге от такой заботы, сидела за красиво сервированным столом, на котором дымилось какое-то сложное блюдо из мяса. Я не большой любитель мяса, но получилось и вправду вкусно. Я подумала, что на распродаже счастья мне случайно выдали главный лот дня.

– Итак, поговорим? О чем?

– О том, как мы будем жить. О том, что произошло. Я все еще не могу привыкнуть, не до конца понимаю.

– Чего? Что я люблю тебя?

– Это я допускаю. Но...

– Я люблю тебя настолько, что готов отдать тебе все. Я оставил жену и, поверь, ни на секунду не пожалел. Единственное, что может сделать меня счастливым, – это твоя любовь.

– Но как именно мы будем жить? У меня дома? Это тяжело для моих родителей, а я их очень люблю.

– Я понимаю. – Он опустил голову. – Мне бы не хотелось сразу портить нашу чудесную сказку прозой жизни, но ты права. Обо всем этом надо поговорить.

– Ведь все не так уж и просто. Ты приехал практически без вещей. И как твоя работа?

– Ее я тоже оставил. Все равно это была поганая работа.

– Почему? – не поняла я. У меня вдруг возникло странное чувство. Я подумала, как он мог жить жизнью, в которой все так погано? Как можно было терпеть поганую жизнь столько лет? А если бы он не встретил меня? И что, все это он терпел только ради ребенка, который тоже относился к нему погано?

– Это сложно понять, но я чувствую, что теперь, когда у меня есть ты, я смогу перевернуть всю жизнь. Я займусь тем, о чем всегда мечтал. Я не желаю навсегда остаться шофером, живя рядом с такой девушкой, как ты.

– Понятно. А какая у тебя мечта? – полюбопытствовала я.

– Я хочу быть дизайнером. Строить красивые дома, квартиры. Как ты думаешь, у меня может получиться? Только не смейся, ведь твоя мечта быть адвокатом когда-то тоже была только мечтой.

– Ну конечно, у тебя все получится! – бросилась я оказывать Паше моральную поддержку.

Мы плавно перешли к любви, потом действительно пошли гулять и долго, до самой ночи, вели сложные, закодированные разговоры о будущем, настоящем и о наших чувствах. Конечно, нам не будет просто. И право на счастье придется заработать. Для начала надо снять квартиру, чтобы не мозолить глаза моим родителям. Надо подыскать Паше в Москве какую-нибудь работу, чтобы он смог оплачивать текущие расходы. Пока этого не произошло, мне придется оплачивать квартиру самой (это меня сильно покорило, но чего не сделаешь ради любви).

Надо найти курсы дизайнеров, куда Паша срочно пойдет учиться, чтобы как можно быстрее воплотить в жизнь свою мечту.

– Ты согласна? – спрашивал он, заглядывая мне в глаза.

Я кивала, хотя на самом деле в моей душе плескались волны отрицательных эмоций. Мне приходилось срочно перестраивать свои представления о настоящей любви под конкретного мужчину, который всем был хорош и очень нравился мне, но ради которого мне надо многим пожертвовать. Откровенно говоря, я не была уверена, что он скоро начнет зарабатывать достаточно денег и я снова смогу покупать себе дорогие тряпки и летать в Египет с Дашкой. И отпустит ли Паша меня теперь куда-нибудь одну?

– Что тебя огорчает? – Павел явно понял по моему лицу, что я расстроена.

– Я боюсь, что моих денег не хватит на все.

– Ах, вот ты о чем. Слушай, я нормальный мужик, я люблю тебя. И все мои деньги будут твоими. Только сейчас помоги мне немного встать на ноги, и я всегда буду помнить об этом.

– Конечно, дорогой. Ведь мы любим друг друга. Какие между нами могут быть счеты! – устыдившись своей беспардонной алчности, запищала я.

Через неделю я впервые возвращалась с работы в малюсенькую однушку на первом этаже пятиэтажки в районе Петровско-Разумовской. Слава богу, у меня была машина, большинству граждан приходилось выстаивать в автобусах по сорок минут, добираясь до метро, и еще долго трястись в вагонах самой длинной и перегруженной ветки.

Паши еще не было дома, он поехал к какому-то знакомому договариваться насчет работы. Я побродила по картонно-бетонной клетке, посмотрела через низкие окна на темные ветви деревьев и села пить чай на кухне. Стены в моем новом доме были оклеены старыми выцветшими обоями. Паркетная доска рассохлась и скрипела при каждом шаге. Оказалось, что на кухне прекрасно слышны голоса обитателей всех квартир нашего стояка. Когда кто-то из них курил, запах дыма заполнял мою кухню и табаком начинали пахнуть все вещи на мне.

– Откровенно говоря, мне все это не очень нравится, – произнесла я в какой-то особенно пустой тишине. – Откровенно говоря, я не понимаю, как проживу здесь даже три дня, – проговорила я.

Паша сказал, что мы должны экономить, так как платить кучу денег за право жить в чужой квартире – глупо. Уж лучше копить на свою. Я была с ним согласна, но жить в ТАКИХ условиях... Я захотела услышать родной голос и подошла к старенькому телефонному аппарату. Внезапно он громко и тревожно зазвонил. Я похолодела, как героиня триллера, и осторожно взяла трубку.

– Алло? – раздался незнакомый женский голос на другом конце провода.

– Да, – выдохнула я.

– А Пашу можно? – осторожно поинтересовалась женщина.

Я удивилась. Мы здесь первый день, я была уверена, что женщина ошиблась номером.

– Мелкова? – глупо переспросила я.

– Естественно. – Женщина перестала говорить, как вежливая незнакомка, и включила в голосе сталь.

– А его нет.

– Вы Лариса?

– А вы? – снова переспросила я.

– А вы не догадываетесь? – грубо рявкнула женщина.

Я сразу догадалась.

– Откуда у вас этот номер?

– Какая разница? Он вчера дал его родителям, а они – мне. Вы в курсе, между прочим, что все наши надеются, что это временное помутнение закончится и он образумится?

– Не в курсе, – отрапортовала я.

– А вы знаете, что у нас дочь? Она плачет уже две недели.

– Он сказал, что вам на него наплевать, – пролепетала я. Я вообще не понимала, что говорить. Первый раз в жизни я разговаривала с абсолютно чужой женщиной, с которой, как оказалось, не поделила мужчину. К этому разговору я не была готова.

– Я не знаю, что он вам сказал, но допускаю, что мог наплесть все что угодно. Мы прекрасно жили, у нас прекрасная дочь. Он, конечно, обаятельный парень, но, между прочим, далеко не главный приз. Что вы в нем нашли?

– А вы? – Я решила обороняться, наступая.

– Я его люблю, – резко отбрила меня она. Причем мне даже не пришло в голову выкрикнуть: «Ну и что, я тоже». – Я люблю его таким, какой он есть на самом деле, со всеми его недостатками. О которых вы, Лариса, пока даже не знаете.

– А какие у него недостатки? – поинтересовалась я.

– Он мечтателен, склонен к идеализации. Его всю жизнь шатает, он не в состоянии довести до конца ни одного дела. Ответственность для него – тайна за семью печатями. Если бы нашу семью пришлось кормить ему, мы бы давно умерли с голоду.

– Вот именно потому, что вы так о нем думаете, он теперь со мной, а не с вами. Вы никогда не давали ему шанса вырасти. Теперь я точно это поняла! – выкрикнула я. Все во мне возмущалось, когда эта... жена говорила о моем Паше (который не побоялся все бросить ради любви ко мне) как о неразумном ребенке.

– Да у него была тысяча шансов. Вы влюблены, по-видимому, и не желаете слышать очевидного. Я для вас, естественно, буду самой плохой. Так вы на полном серьезе решили жить с моим мужем?

– Он от вас ушел. Он больше не ваш.

– Ну и ладно, – каким-то отрешенным и немного усталым голосом охладила мой пыл она. – Решили – ваше дело. Я только предупредила из человеколюбия. Я хорошо его знаю, слышала про ваш «Пежо». Вы ведь, кажется, адвокат?

– И что? – возмутилась я.

– Он просто почувал, что с вами ему будет теплее и выгоднее, чем со мной. И, конечно, Москва – не то что Серпухов.

– Это просто несправедливо, так говорить.

– Да бросьте. Ну да жизнь покажет. Однако раз вы такой поворот судьбы мне устроили, то, по крайней мере, отдайте машину.

– Я? – Я чуть не задохнулась от возмущения. Она что, требует выкуп за мужа? Мой «Пежо»?

– Да не вы, при чем тут вы. Вы наслаждайтесь. Пусть Паша отдаст завтра утром ключи моему шоферу Денису. Он знает его.

– Ключи от чего? – продолжала я не понимать.

– От «Газели». От моей «Газели». О'кей?

– О'кей, – пролепетала я. Я как-то и забыла про то, что «Газель» – совместное имущество. Значит, теперь Паша останется и без машины. Что же он будет делать, на что мы будем с ним жить?

– Алиментов я не прошу, понимаю, что у него ничего нет. И передайте ему, что пока еще я готова принять его обратно. Но если мне удастся как-то по-другому решить вопрос, потом пусть не плачет.

– Этого я передавать не буду.

– Ваше дело. Значит, завтра Денис подъедет к вам на Петровско-Разумовскую за машиной. Счастья желать не буду, не уверена, что вы будете счастливы.

– Мне от вас никаких пожеланий не надо. Машину вашу получите. Все. Не звоните сюда больше. – Я швырнула трубку и посмотрела на себя в зеркало. Раскрасневшаяся, возмущенная.

Грудь вздымается, волосы растрепались, пугало, и только. «Не могу ни минуты больше здесь находиться», – подумала я и кинулась к двери, схватив ключи.

Через час я сидела на кухне у Дашки и со слезами пересказывала события последних дней. Я хотела получить ответ: почему все, что начиналось так красиво, теперь оказывается таким сложным и болезненным?

– Киска, так всегда и бывает. Мужчины редко приходят в нашу жизнь без чемодана проблем и сложностей. Ты любишь его? – спрашивала она, с беспокойством глядя на мои слезы.

– Да, люблю, – ответила я, стараясь придать голосу максимальную уверенность.

– Ну и все. Тогда все пройдет и сложится, надо только потерпеть. Он ищет работу?

– Да.

– Значит, найдет. И все будет хорошо.

– Ты правда так думаешь? – как ребенок переспрашивала я ее, собираясь домой, то есть на эту чертову Петровско-Разумовскую.

– Ну конечно, – улыбалась Дашка. – Главное – это любовь.

Глава 4

...Не построишь

Осень, как молодой жадный вампир, выпила у природы все соки, обесцветила все вокруг и оставила лысые ветви уныло стенать об утраченной молодости. Никогда раньше я не замечала, чтобы листья с деревьев облетали с такой скоростью. Мне показалось, что в этом году не было ни бабьего лета, ни той поры, что называют «очей очарование». И я стремительно менялась в такт осени, словно с меня тоже слетали молодость, очарование, восторженная радость жизни. Я жила с Пашей. Каждое утро я уходила на работу после его поцелуя, каждый вечер он ждал меня домой. Мы спали вместе на старом диване, от которого у меня начала ужасно болеть спина. Диванные подушки не стыковались между собой и то создавали бугры, а то и вовсе разъезжались в стороны, образуя провалы. Паша во сне много вертелся и что-то шептал. Часто по ночам я не могла уснуть и смотрела на этого незнакомца, с которым по необъяснимым причинам теперь делила свою постель. Я думала о чудных превратностях судьбы. Любила ли я Павла? Этот вопрос интересовал и меня саму, однако я не имела сил честно ответить на него, особенно когда Паша был рядом. Только если Дашка или Марго сильно доставали меня, им удавалось меня разговорить.

– Ты счастлива? – с беспокойством смотрела в мое лицо Зайницкая.

– Угу, – кивала я, – лучше расскажи о себе.

– Нет уж, давай о тебе, – вклинивалась Марго. – Потому что ты совершенно не выглядишь счастливой. Расскажи-ка нам, как конкретно ты счастлива.

– В каких позах и как часто? – ерничала я.

– И это тоже. Он все такой же принц, каким ты нам его расписала четыре месяца назад? Как у него дела с работой?

– Хорошо, – лукавила я, – он устроился.

– Ну слава богу, а то я уже подумала, что вы всегда будете жить на твои деньги. И где он работает?

– Ну девочки, что за допрос? – пыталась я вывернуться. Мне совсем не нравились их вопросы, я предпочитала изображать из себя слепоглухонемого капитана корабля без руля и ветрил. Но одновременно я искала этих вопросов, хотела, чтобы если не я сама, то хоть кто-то другой вынудил меня на них ответить.

– Это же простой вопрос, – с садизмом продолжала Марго.

– Если не хочешь – не отвечай, – адвокатствовала Даша.

– Извольте. Он работает установщиком кондиционеров в какой-то фирме, о которой я ничего не слышала. И я не могу сказать, что мне это сильно нравится, ведь, по сути, это просто работа какого-то монтера, а он обещал, что будет дизайнером и я смогу им гордиться.

– Ну, на все надо время... – протянула Дашка. – Мой Жорик тоже много чего мне обещал. И ни хрена не исполнил.

– Ну вот. И я говорю, что не имею права быть в претензии. В конце концов, человек ради меня бросил все. И жену, и дом, и работу.

– Все? – скорчила брезгливую морду Маргоша.

– Да, – уныло кивнула я, ибо груз морального долга перед светлым подвигом Паши ради нашего счастья порядком меня заколебал.

– Интересно, что же такое он ради тебя бросил? И что ради тебя совершил?

– Ну... вот это вот, – мямлила я. Мне и самой казалось, что во всей истории есть какая-то подстава.

– Что – это? Сменил старую авторитарную жену из Серпухова на молодую красивую любовницу – адвоката в Москве. Адвоката на французской машине, да еще оплачивающую квартиру.

– Подожди, Марго, он же теперь работает и будет сам платить за квартиру, – попыталась побороться за справедливость Даша.

– Не будет, – тихонько брякнула я.

Обе подруги демонстративно развернулись ко мне и нанесли на лица немой вопрос: «Как?»

– А вот так. У Паши зарплата всего триста долларов, а зимних вещей нет. И зубы надо делать. И вообще.

– Что вообще? Ты помнишь, что он тебе обещал?

– Тебе Жорик тоже много чего обещал, – повторила я Дашкины слова и втянула голову в плечи. Кажется, сейчас на меня посыпется вся пресловутая правда. Готова ли я к ней? Не уверена.

– Зачем тебе это надо? – спросила возбужденная Марго.

– Просто у нас любовь, – вяло отбивалась я. – Просто пока я еще хочу просыпаться рядом с молодым симпатичным мужчиной и заниматься с ним любовью каждый день. И мне все равно, что это не мужчина моей мечты. Не всем же жить с дизайнерами.

– Но ты-то как раз имела право претендовать на лучшее, – грустно пожала плечами Даша.

Мы оплатили счет и пошли к выходу. Я не стала настаивать на том, чтобы завалиться еще куда-то, не стала приглашать их к себе, что непременно сделала бы раньше. Мне двадцать шесть лет, и, хотя с виду я и вправду могла бы составить пару с каким-нибудь богатым красивым адвокатом, бог дал мне Пашу, и, наверное, он там наверху знал, что делал. Но вот болтать об этом с подругами мне хотелось все меньше.

– Где ты была? – словно рикошетом зацепил меня вопрос.

Я не успела войти в дом, а вопрос прогремел первым выстрелом. Оказывается, семейная жизнь полна скандалов и сцен. Раньше я об этом не знала. Вернее, знала, видела, глядя на Дашку, но никогда не примеряла этого к себе.

– Я встречалась с Дашкой и Марго.

– Ты не предупредила.

– А должна была? – удивилась я. Кажется, даже мама вот уже лет десять не спрашивает, куда и с кем я хожу.

– А как же. Я волновался. И вообще, я пришел домой, а тебя нет, еды нет. В квартире пусто и уныло. Это же неправильно, – завозмущался Павел.

– Ну, извини, а что я должна была? Сидеть у окошка и вязать тебе свитер?

– А что, неплохо. Но на это я не претендую. Достаточно просто наличия ужина. Я понимаю, ты никогда не была замужем и ничего не знаешь, но муж, приходя с работы, имеет право надеяться, что его покормят.

– Мог бы сварить пельмени, – дернулась я.

– Я всегда могу сварить пельмени, но какая тогда у нас, на фиг, семья?

– А я всегда могу сказать, что муж, требующий ужин, должен зарабатывать больше жены. И это совсем не наш случай, – выпалила я и уставилась на Павла, ожидая следующего хода. Я думала, что он бросится оправдываться. Может быть, скажет, что ему нужно еще немного времени, что скоро ему повысят зарплату, дадут подработку... Я не угадала.

– Это все твои подруги-феминистки. Нашептывают на ухо гадости. Каждый раз ты от них возвращаешься невыносимая.

– Я? Это я невыносимая?

– А кто? Не я же. Я все для тебя делаю. Я не виноват, что не уродился миллионером или адвокатом, как твой Аганесов. Скажи, у вас с ним что-нибудь было?

– Какое тебе дело? – возмутилась я. Его претензии бесили и пугали меня.

– Было, – с удовлетворением глядя в мое смущенное лицо, выдохнул Павел. – Я так и знал. То-то он на меня странным взглядом каждый раз смотрит. Тебе надо сменить работу.

– А больше мне ничего не надо? А носки тебе не постирать?

– Что в этом такого? Все жены стирают мужьям носки и не спрашивают при этом, сколько они зарабатывают. Просто ты меня не любишь. И хочешь разрушить все.

– Неправда! – крикнула я, хотя в целом это как раз была правда.

– Тебе наплевать на все. Я же вижу, ты от меня ждешь, что я надорвусь и оплачу всю твою жизнь. Заплачу за все и потом буду терпеливо ждать, пока ты нашьлешься по подругам и по Аганесовым. Я оставил семью, лишился работы, машины. Дочь не хочет меня знать. Все – для тебя! Чтобы только быть с тобой. А ты не можешь потерпеть, дать мне встать на ноги. Унижаешь мое мужское достоинство! – кричал Павел.

Я посмотрела на часы. Было около часа ночи. Что и говорить, пришла я поздновато. Но если бы он появился в такое же время, я не стала бы ему плешь проедать. Наверное.

– Хорошо, успокойся. Я люблю тебя, – устало согласилась я на мировую. Мне, в конце концов, и спать было пора. – Расскажи мне, как ты видишь нашу дальнейшую жизнь.

– Как я вижу? Я теперь не знаю даже. Я работаю в поте лица, но пока больше трехсот долларов никак не заработаю. Я их все отдам в семью. Но я считаю, что и ты должна заботиться о нашем будущем. Это не так странно, как ты преподносишь. Я приношу в дом свои деньги, ты – свои. Мы вместе решаем, на что их потратить. Так все живут.

– Я всегда сама решала, на что тратить деньги, – растерянно бормотала я.

Аргументов у меня не осталось, Павел был прав. Например, мои мама и папа именно так и жили, никогда не деля вещи и деньги на твои и мои. Только то были мои родные мамочка и папочка, а мне предлагалось поделить все с любовником, которого я знаю всего ничего, но который декларирует, что у нас семья. Претензии у меня определенно были, но как их озвучить, чтобы самой себе не показаться полнейшей стервой? Я молча кивала. И обещала подумать насчет того, чтобы вместе распоряжаться деньгами. И целый следующий день честно об этом думала. Я пришла к следующим выводам: во-первых, если деньги, которые я зарабатываю, не мои и не только для меня, мне гораздо меньше хочется работать, во-вторых, я не знаю никаких совместных трат, кроме оплаты квартиры, на которые я была бы готова выделить свои деньги, но, в-третьих, я согласна была дать шанс Паше и показать свою готовность создавать настоящую семью. Пусть подавится, зато я буду хорошей девочкой перед собой и перед богом. За такой подвиг мне обязательно выпишут VIP-пропуск в рай.

Я пришла домой пораньше, ощущая себя то святой Тамарой, то Зоей и Александром Космодемьянскими сразу. Я приготовила еду. Не могу сказать, чтобы очень вкусную, так как делала ее чуть ли не впервые в жизни. И дать какое-либо определенное название блюду, вышедшему из-под моих рук, например «мясо в кляре» или «макароны по-флотски», я не могла. Просто «еда». Ужин из съедобных продуктов. Но эту самую «еду» я готовила около двух часов!

– Надо же, чем это пахнет? – спросил Павел, когда зашел.

– Угадай, – черт дернул меня спросить.

– Ты что, выводила тараканов? – предположил он.

– Это ужин. Я приготовила ужин, – огорченно сказала я. И добавила: – А тебе придется его съесть. Ха-ха.

– Смешно. Ну, давай попробуем. – Он осторожно принялся к содержимому тарелки. – А что это?

– «Еда», – заверила его я. Мне было любопытно.

Павел откусил кусочек. Потом еще. Потом нацепил на лицо выражение счастья и блаженства. Я расслабилась. Ну не может быть плохим мужчина, который так переносит неприятности!

– Я решила, что ты прав насчет денег. Мы должны вместе решать, на что их тратить. Ты ведь не виноват, что я пока зарабатываю больше тебя.

– Ну, слава богу, значит, ты все-таки любишь меня, – сделал Павел нелогичный вывод.

Я кивнула, и мы провели по-настоящему прекрасный вечер. Выбросили «еду», сварили пельмени и долго болтали, целовались и занимались любовью. Мы мечтали о пикниках в подмосковном лесу, о совместных путешествиях по миру, о морских круизах, где под шум мягких соленых волн будем засыпать, сплетая руки. Мы мечтали о детях.

Через пару дней идиллия кончилась. Я отвозила Пашу на работу. С тех пор как его супруга наговорила мне гадостей и отобрала Пашину машину, я все чаще по утрам подвозила его до метро, а потом и до работы. Это выходило само собой. В самом деле, глупо было бы ему переться по пробкам в автобусах и толкаться в переходах метро. Я делала небольшой крюк и подбрасывала Павла к офису этих самых кондиционеров. Иногда Паша просил забрать его вечером, но в основном я не могла. Или могла, но говорила, что не могу. Мне не хватало этих часов, когда в одиночестве, среди кучи железа, набитого людьми, я могла подумать обо всем или просто в голос подпевать рок-звездам на радио «Максимум». Я очень любила ездить одна, как оказалось. И вообще, мне не хватало этой пресловутой личной зоны, пространства, в котором можно побыть наедине с самой собой. Паша почему-то старался заполнить собой любую мою свободную минуту. Он даже в ванную ко мне вламывался через пять минут после того, как я туда заходила. Он садился на краешек ванны и смотрел на меня, разговаривал со мной. Иногда по ночам я ждала, пока он уснет, и тихонько выбиралась на кухню, где долго в одиночестве пила чай и смотрела в окно.

– Что ты там делаешь одна? Иди ко мне, – командовал Павел, если просыпался и обнаруживал, что меня нет.

Так вот, я везла его на работу, а Павел щелкал радиостанциями, потому что совершенно не переносил «грузовой» рок радио «Максимум». Я задумалась о своем и не сразу разобрала, что он говорит:

– У нас дом в Малоярославце. Я там вырос, как ты помнишь. А теперь он покосился, и я давно собираюсь, но никак не соберусь его поправить.

– И что? – выдохнула я.

– Мы бы могли там летом отдыхать.

– Я не люблю Малоярославец, ты же знаешь. Там полно родни, которую я не перевариваю и которая не переваривает меня.

– Ну, дорогая, это же все глупости и детский сад. Все давно выросли и изменились.

– А тогда, на свадьбе у Галки, ты был другого мнения, – съязвила я, потому что уже догадалась, к чему он ведет. Догадалась и заранее жутко разозлилась.

– Ну брось. Там прекрасная экология. И если у нас появится ребенок, его будет с кем оставить.

– Допустим. И что?

– Да нет, ничего. Просто я говорю, что собираюсь этим заняться, пока не наступили холода.

– Занимайся, – ледяным голосом проговорила я, злясь на себя, что не могу принять такой поворот событий.

– Ты пойми, что я это сделаю для нас.

– А от меня чего надо? – поинтересовалась я.

– Ну, я готов сам все там делать по выходным. Надо только купить строительные материалы.

– Какие? На какую сумму?

– Я не знаю точно. Долларов на четыреста, наверное, хватит. Там же фундамент надо будет кое-где переливать. И крышу перестелить.

– Я не дам этих денег.

– Как это? – опешил Павел. Или сделал вид, что опешил.

– Так. Я не собираюсь вкладывать свои деньги в ремонт твоего дома в Малоярославце.

– Это не мой дом, а наш. И деньги я трачу не твои и не свои, а общие, – заверещал срывающимся голосом он, а мне стало как-то противно и тяжело на душе.

– Где написано, что это наш дом? Мы с тобой даже не женаты, и насколько я знаю, ты не разведен и не занимаешься этим вопросом. Так что юридически это только твой дом. Твой и твоей родни. Может, даже и жены, надо посмотреть документы.

– Зачем ты так?

– Как? – прищурилась я.

– Зло. Жестоко.

– Это же просто правда. Ты разводишь меня на деньги, – выдавила я из себя весь яд и замолчала.

Павел сидел с перекошенным лицом и молчал. Потом побледнел и процедил сквозь зубы:

– Останови машину.

– Нет проблем. – Я затормозила у перекрестка и отвернулась. Мне было больно, я боялась, что никогда больше его не увижу, но из чистого воспитания дождалась, пока он выйдет из машины, и, ни слова не сказав, газанула и скрылась в потоке машин. В тишине ехала минут десять, потом дрожащей рукой ткнула кнопку любимой радиостанции и заревела.

На работе я весь день созванивалась с Дашкой, Алинкой и Марго по очереди и впере-мешку. Все они хором заверили меня, что я поступила совершенно правильно. А Марго прибавила жестко:

– Если я не ошибаюсь насчет твоего Паши, а я редко ошибаюсь в мужиках, то сегодня он придет домой. Может быть, поздно, вероятно, будет пьяным, но придет обязательно. Такие не отцепятся, пока все соки не выпьют.

– Спасибо на добром слове, – проямлила я.

Мне было очень плохо. Если бы тогда, на свадьбе, меня предупредили, что мой ностальгический роман примет такие формы, я бы ни за что не поверила. Или поверила бы и ни за что не стала бы заваривать такую кашу. Самое ужасное, что Марго оказалась права. Паша пришел под утро совершенно пьяный. Лег рядом и заявил, что я самая ужасная женщина на свете. Но он слишком меня любит, чтобы бросить. Не могу сказать, чтобы я действительно чувствовала и считала себя ужасной женщиной, но его жертву я приняла. Разговоров о деньгах на ремонт дома он не возобновлял, а я не настаивала. Между нами растянулась полоса похожего на вязкий кисель молчаливого перемирия. Словно много лет женатые, уставшие друг от друга супруги, мы просто возвращались по вечерам по одному и тому же адресу и садились на общий диван перед общим телевизором. Я платила за квартиру, но перестала покупать продукты, возобновив традицию питания в маленьких кафе. Павел ничего не требовал, но тоже ничего не приносил и не готовил. Я только и ждала, когда же этот хлипкий союз осыпется и исчезнет. Однако он держался довольно долго. Пока в конце февраля не оказалось, что этот союз необходимо сохранить любой ценой – я узнала, что жду ребенка.

– Что?! Ты сошла с ума. Почему вы не предохранялись? – заколыхалась Марго.

– Мы предохранялись. Я не знаю, как так получилось, – уныло объясняла я.

– Какой ужас! – округлила глаза Дашка.

– Да? – переспросила я и подумала, считаю ли я сама происходящее ужасом. Не уверена.

– Ну не знаю. А что, ты хочешь ребенка? – сбавила обороты Дашка.

– Я не уверена. Конечно, Паша – не принц, но он меня любит. Мы прожили с ним вместе целых полгода, я никогда еще ни с кем столько не жила. И мы не опротивели друг другу совсем уж. Просто притираемся.

– Ты занимаешься самообманом. Неделию назад ты говорила, что вы надоели друг другу до оскомины, – поправила меня Алина и подлила мне чаю.

Мы сидели у нее дома. Я давно не была у нее дома, с самого института. Алина жила недалеко от меня, на улице Подбельского, но она сама приезжала ко мне и к девчонкам. Сегодня же нам надо было срочно найти уединенное местечко с возможностью поплакать. У меня было нельзя, так как я не готова была делиться новостью с мамой. Дашка с Жоркой поссорились и находились в состоянии холодной войны, там он не дал бы поговорить спокойно. Марго могла бы нас всех принять у себя, она имела прекрасную двухкомнатную квартиру в Гольянове, совершенно отдельную и к тому же красиво обставленную, но была помешана на чистоте и красоте.

– У меня не убрано, – прошептала она, когда я кричала, что мне срочно надо всех увидеть, иначе они могут опоздать и найти мой похолодевший труп. – Приезжайте завтра. Я к утру все приведу в порядок.

– Невозможно, – простонала я, глядя на тонкую, похожую на палочку Коха полоску теста для беременных. На нем жирнела и ухмылялась вторая полоса, а я даже не могла точно вспомнить, когда у меня последний раз были месячные.

– Тогда приезжайте ко мне, – сказала Алина, и я оценила этот шаг.

Алина никого никогда не звала к себе. В наследство от бабушки ей досталась крошечная двушка в кирпичной пятиэтажке. Но прежде чем умереть, больная бабуля битый десяток лет жила в этой квартире. Она ходила под себя, всюду разбрасывала лекарства и портила внучке нервы. Теперь квартира полностью отошла к Алине, но реально лежала в руинах. Аля успела только содрать везде старые обои, повыбрасывала воняющие лекарства и выкинула всю бабушкину мебель. На дальнейший ремонт денег так и не нашлось...

Мне лично, когда я попадаю к ней в дом, страшно хочется загнать туда бригаду чучмеков с ведрами шпаклевки и краски «Тиккурилла». Но сегодня я даже и не оглядывалась по сторонам, так была поглощена свалившимся на мою голову материнством.

– Мне в этом году будет двадцать семь и... Я боюсь, что если сделаю аборт, то потом не смогу родить никогда, – озвучила я самую страшную мысль.

– А от Паши рожать ты готова? От него же не будет никакой помощи. – Марго не жалела меня. И правильно.

– Я не знаю. Он всегда говорил мне, что очень хочет ребенка. По крайней мере, малыш будет расти с нормальным отцом.

– Ага. А тебе все-таки придется тратить деньги на его дом в Малоярославце, – пообещала Дашка.

– Я уже на все согласна. Это же судьба.

– Судьба... Да это плохие презервативы, а не судьба, – в сердцах воскликнула Алина. Я поняла, что с подобной проблемой ей и самой приходилось сталкиваться.

– А какой срок? – спросила Даша.

– Я не знаю. В том-то и дело. Примерно месяца полтора. А может, и два.

– Как так... ты не знаешь? – удивилась педантичная Маргарита.

– Вот так. Не помню, – отрезала я.

– Ты хочешь ребенка?

– Понятия не имею.

– А ты уверена, что он обрадуется?

– Да, – ответила я.

На чем зиждется моя уверенность, я не могла объяснить. Но почему-то в этом я не сомневалась. И у меня появилась собственная версия моего будущего, которая выглядела примерно так: я говорю Паше, что готова родить ему ребенка, он, конечно, сильно зол на меня из-за моей жадности и недоверия к нему, но ради ребенка согласен все забыть и начать заново. После

этого мы снимем квартиру получше и станем откладывать деньги на няню. Паша наверняка будет заботливо прыгать вокруг меня, кормить с рук клубникой и поминутно спрашивать, как я себя чувствую. А после того как родится ребенок, я смогу наконец оценить его (Пашу) по достоинству, и через нашу общую любовь к ребенку мы преодолеем все сложности и несуразности наших отношений. И пусть он никогда не станет дизайнером, а я не смогу хвастать перед подругами кольцами с бриллиантами в десять карат. Главное, у меня будет ребенок. И настоящая семья.

– Дорогой, я хочу с тобой поговорить о чем-то очень важном, – дергала я Пашу за рукав вечером того же дня. Подруги поохали, побряхтели и сошлись на том, что сначала надо поговорить с Пашей и только потом что-то решать.

– А? – буркнул он, не отрывая взгляда от телевизора.

– Мне надо с тобой поговорить!

– О чем? – Снова глаза ловят маленьких зеленых футболистов на экране.

– О важном, – рывкнула я и вырубил телевизор.

– Ну? – Павел пристально посмотрел на меня, и я поежилась.

– Что бы ты сказал, если бы узнал, что у нас может родиться ребенок? – издали забросила я удочку, но, кажется, Паша все сразу понял.

Он побледнел, вытянулся в кресле, как струна, и сказал:

– Это правда?

– Что? – заюлила я.

– Ты беременна?

– Да. У нас будет маленький. Ты рад? – Я смотрела в его лицо и понимала, что, по всей видимости, он не рад.

– Какой срок? – деловито осмотрев меня, спросил Павел.

– Я точно не знаю. Наверное, месяц. Я только сегодня узнала.

– А ты уверена?

– Ну, там была такая жирная вторая полоса, что... Хочешь, я тебе покажу? – подскочила я.

– НЕТ! – вскрикнул Павел и отшатнулся.

– Хорошо-хорошо, – остановилась я и стала ждать, что он скажет.

– И чего ты хочешь? – спокойно-отстраненным голосом спросил он у меня.

– Я? Как чего? Родить нормального здорового ребенка. У нас будет настоящая семья.

– Да что ты? – противно засмеялся он. – Да посмотри ты на себя! Какая из тебя мать? Какая жена? Ты же думаешь только о себе. И ни о ком позаботиться не в состоянии.

– Это почему? – вскипела я. – Только потому, что я не глажу тебе труссы? А сам ты что для меня делаешь?

– Я отдал тебе все, – привычно бросил Павел.

– Что все? Это я сейчас готовлюсь отдать нашей семье все. Свое тело, свое здоровье, свое время и молодость. И принимаю ответственность за это. А что ты делаешь для нашей семьи?

– Все это бред и ерунда. Я делал все, что мог, когда верил, что ты меня любишь. А теперь у нас с тобой нет никаких шансов. Ты это почувствовала и залетела, чтобы удержать меня.

– Я?! – от возмущения у меня перехватило дыхание.

– Да, ты. Ты поняла, что я к тебе охладел. И, как все женщины, как и все вероломные стервы, ты считаешь, что можешь привязать меня к себе пузом. Один раз я повелся на это и даже женился.

– Это ты о жене?

– Сейчас я говорю о тебе, – жестко и холодно бросил Павел. – Итыничего нового не придумала, как привязать меня к себе ребенком. Так знай, если у меня и есть к тебе какие-то чувства, то их недостаточно для того, чтобы создать настоящую семью. И я готов еще пожить

вместе и подумать, нужны ли мы друг другу, хотя ты и растоптала во мне самые лучшие чувства. Все равно я еще слишком привязан к тебе. Но воспитывать ребенка я не готов. Точно. Если ты не пойдешь делать аборт, я завтра же соберу вещи и уйду.

– Ты серьезно? – ахнула я.

– Абсолютно. Делай аборт. Я к ребенку не готов, а ты не способна и о кошке позаботиться, не то что дать жизнь человеку.

– Какой ужас... – совершенно искренне пролепетала я и села прямо на пол.

Такого поворота я ожидала меньше всего. Паша нервно закурил, накинул куртку и ушел куда-то. Я рыдала до самой ночи, потом уснула, так и не придя в себя. Не было ни одной мысли, ни одной эмоции. Я ничего не понимала, ничего не знала. Как могло получиться, что я, умная и хорошо воспитанная девушка с высшим юридическим образованием, без вредных привычек, без темного прошлого, вляпалась в такую историю? Ведь я же все слышала с самого начала. Он, по сути, то же самое говорил про жену! «Она меня не ценит, не уважает. Я ей понравился, и она решила привязать меня к себе ребенком. А я, такой благородный, отдал ей все и жил с ней ради ребенка. Дочери, которая ни в грош меня не ставит». Боже мой! Он ушел ко мне и через полгода сыграл со мной в ту же игру. И теперь уже я стала плохой. Я не забочусь о нем, не подаю ему ужин. И хочу испортить ему жизнь, привязав к себе ребенком. Ну надо же! А ведь меня предупреждали! Все. Мама, Марго и даже его бывшая жена! И правда, с чего я решила, что она плохая женщина? Ведь в отношениях всегда участвуют двое. Значит, и она с Пашей вляпалась не меньше, чем он с ней. Но что же теперь будет дальше? Аборт? А как же здоровье? Будущее? Что же делать? Что же делать?..

Глава 5

Что делать и кто виноват?

Март настолько поглотил меня собой, что я казалась себе рыбкой, плавающей в мутной зеленой воде. И плохо, и воняет, и очень одиноко, а все остальные смотрят на меня сквозь толстое стекло. Проводят по нему пальцами, постукивают, строят рожи. И ничего, ничего не делают, никак не помогают. И даже не слышно ни одного звука. Только тишина и бульканье мыслей в голове. Жизнь текла вокруг, не задевая меня и не проникая в мое тело. Вот вроде бы события в наружном мире начали сменяться. Марго, например, однажды решила, что на самом деле она – лесбиянка.

– Я больше ничего не желаю слышать про борьбу полов. Эти выродки сломали жизнь Ларке, и я не позволю сотворить то же самое со мной. Лучше я буду одна.

– Да, но ты ведь не собираешься быть одна. Ты же говоришь, что теперь будешь спать с какой-нибудь мужеподобной девушкой, которая будет требовать от тебя бог весть каких ласк. Ты уверена, что на все это готова? – спрашивала Дашка Зайницкая.

Я смотрела на них и не понимала, как можно говорить о такой ерунде. Алина вляпалась в очередной роман. Они познакомилась в магазине. Он играл на игровых автоматах и выиграл. Теперь он живет у Алины дома и все деньги просаживает на одноруких бандитах около «Улицы Подбельского». Алина страдает, хочет его выгнать, а я не могу, никак не могу не то что посочувствовать, просто понять, о чем она говорит. Я слушаю только себя. Я хочу найти внутри себя ответы на два извечных вопроса. Больше всего меня интересует ответ на вопрос «кто виноват?». Просто мне еще больно и сложно решать вопрос «что делать?». Паша все еще приходит после работы в наш съемный дом, и я пытаюсь с ним говорить.

– Почему ты уверен, что у нас ничего не получится? Как так вышло, что ты всю жизнь искал меня, нашел, а теперь бросаешь при самых пустячных проблемах?

– Ничего себе – пустяк. И потом, я не собираюсь тебя бросать. Мне нравится спать, обнимая тебя. У меня в кошельке до сих пор твоя фотография.

– Что ж тогда? – удивлялась я. Надежда на хеппи-энд не оставляла меня.

– Я просто жду.

– Чего?

– Твоего решения. Я сказал тебе, что не собираюсь снова попадаться в ловушку. Я останусь с тобой, только если ты примешь правильное решение. – Павел смотрел мне в глаза ничем не замутненным честным взглядом. Он и вправду верил, что поставил меня перед закономерным и справедливым выбором.

– Какое же тут может быть правильное решение! – удивлялась я.

– Я должен иметь право решать, хочу я ребенка или нет. Такой шаг мы можем себе позволить, только когда будем готовы.

– Как готовы?

– У нас будут деньги, нормальная работа, человеческие отношения.

– Я почищу твой сарай в деревне, – взрывалась я.

– Вот видишь! И чего ты от меня хочешь?

– Я хочу, чтобы ты вел себя как настоящий любящий мужчина. И не заставлял меня делать аборт. Я беременна сейчас! Прямо сейчас, а не в следующей пятилетке, когда мы с тобой сможем наконец договориться о том, кто, куда и как тратит жалкие бумажки!

– Не ори! Я так и знал, что ты будешь меня шантажировать! Я не собираюсь волочить ярмо всю жизнь только потому, что ты не оставляешь мне выбора. Ты уже все решила, я так понимаю?

– Нет, – опускала я голову. Слезы смешивались с какой-то непонятной тошнотой и головокружением. Ребенок перестраивал мой организм, я знала, я чувствовала. По утрам у меня кололо в груди, она набухла и увеличивалась в размерах.

– Нет? А когда ты решишь? Какой у тебя срок?

Павел смотрел в окно, а не на меня. Эти разговоры мы вели уже месяц. Они шли по кругу и никогда ни к чему не приводили. Но не сегодня. Сегодня я все решила. Сегодня ему, а не мне придется делать свой выбор.

– Срок десять недель, мне сказал врач. С беременностью все в порядке, и он советует ее оставить.

– Значит, шантаж продолжается? Тогда прости заранее, я тебя предупреждал.

– Значит, ты уверен, что тебе не нужен ребенок от меня? – спокойным голосом уточнила я. Полнейшая безнадега и уныние овладели мной.

– Я уверен, что сейчас он мне не нужен. Вот когда мы с тобой приживемся, встанем на ноги...

– Я спросила про этого, конкретного ребенка, который сейчас у меня в животе. Он тебе не нужен?

– Нет. Прекрати на меня давить.

– Я не давяю. Просто понимаешь, Паша, тогда и ты мне не нужен. Ты поставил мне свои условия, я ставлю тебе свои. Ты можешь обвинять меня в чем угодно, ты можешь считать это шантажом. Я назову это актом надежды. Я считаю, что у нас есть последний шанс создать семью – этот ребенок. Пока он есть, мы с тобой им накрепко связаны. Если я его убью, нас с тобой ничего больше не будет связывать.

– Я так и знал. – Паша театрально вскинул голову и руки. Красиво вскинул, синхронно, отметила я про себя автоматически.

– Я ничего не знала, ничего не планировала. И уж точно не собиралась привязывать тебя к себе ребенком. Просто так получилось. И теперь решай, хочешь ты сохранить нашу семью или нет.

– Ты все сказала?

– Все, – кивнула я и села на стул. Взяла чашку с чаем, отпила. Обожгла губы, подула, снова отпила.

– Я не готов к тому, чтобы ты рожала этого ребенка. Я тебе не верю, – тихо, но твердо повторил Павел.

– Я так и думала. В таком случае я сделаю аборт.

– Это правильное решение, – облегченно вздохнул он.

– Да, я тоже так считаю. Я не готова и не считаю это справедливым – стать матерью-одиночкой. Но и тебя, Паша, я больше видеть не желаю. Все. Собирайся, уходи.

– Сегодня? – растерянно спросил он, и я вдруг увидела, что все это время он не меня боялся потерять, а эту квартиру. И что ему просто некуда идти.

Я рассмеялась:

– Нет. Не сегодня. Через неделю кончится март. Я не заплачу за следующий месяц, делай что хочешь. Плати и оставайся тут или съезжай. А я уеду сегодня. И, пожалуйста, никогда мне не звони.

– Не буду, – с видимым облегчением согласился Павел. И прибавил: – Все-таки жаль, что так у нас вышло.

– Жаль, – кивнула я и пошла собирать вещи.

Паша был сама любезность. Он помог мне упаковаться, отнес вещи в машину. Он пожелал мне счастья. Я чувствовала, как меня снова начинает тошнить. На заправке около Дмитровского шоссе я залила полный бак бензина, набрала с мобильного номер квартирной хозяйки и сообщила ей, что не буду продлевать контракт.

– Ключи вам передаст Павел. Звоните ему, а я уже съехала.

– Хорошо, – ответил мне равнодушный голос. Хозяйка сожалела, что придется искать новых квартирантов. Более ни о чем.

Дома меня встретила мама. Она с пониманием посмотрела на меня и помогла перенести вещи.

– Что-нибудь покушаешь, доченька? Компотику налить? – спросила она, заглядывая мне в глаза.

– Я устала, – честно сказала я.

– Тогда иди поспи. Если захочешь, после поговорим. – Она прикрыла дверь в мою комнату.

Я откинулась на родной кровати и закрыла глаза. Из-под ресниц потекли слезы. Потом волнами начала накатывать ярость, я провалилась в какое-то забытие, в котором была и кусала подушку, била по ней, кричала, орала, снова была... Кажется, вбежала мать, позвала отца. В комнате резко запахло корвалолом и валерианой. Мне что-то давали пить, я пила, хлюпая носом и заплескивая лекарственное содержимое чашки. Потом уснула. То есть я не поняла, что уснула, просто реальность рядом со мной стала рассеиваться, темнеть, потом скукоживаться и обламываться какими-то непонятными черными провалами. Я не понимала, где я, и не понимала, что заснула. Было такое ощущение, что меня украли инопланетяне или мама сдуру дала мне вместо успокоительного какого-то галлюциногенного средства. Я подумала, что, когда спрошу ее об этом, она ответит:

– Доченька, в твоём состоянии это первейшее дело. А как же ещё ты теперь сможешь смотреть на мир?

– А почему, мам? – переспросила я. Её голос и вправду зазвучал у меня над головой.

– Ну как же. Ведь это так страшно.

– Что страшно?

– Делать свой выбор. Выбор. Ты же должна сделать свой выбор. – Мамин голос то приближался, то удалялся, словно она раскачивалась на качелях и смотрела на меня откуда-то очень высоко.

– Какой выбор? – переспросила я.

Там, во сне, я не думала про ребенка, не помнила, будто вообще никогда о нём не знала. Мама рассмеялась беззаботным залившимся смехом. И я вдруг подумала, что это и не мама вовсе, и если я сейчас обернусь, то увижу другое лицо. Я обернулась, и моё сердце замерло от ужаса, так как оказалось, что сзади никого нет, а я стою на криво выпиленной деревянной доске. Доска гудит, покачиваясь вверх-вниз, а вокруг всюду бушует небо. Буря с тучами, молнией и ветром сотрясает все пространство вокруг меня и гудит, как эпицентр жуткого цунами.

Я зажмурилась и снова закричала:

– Какой выбор?! – Я надеялась, что, получив ответ, смогу остановить надвигающуюся на меня стихию.

– Знамо дело, обычный. Между жизнью и смертью, – ответил из-за спины теперь уже мужской голос, похожий на голос Аганесова.

– А какой выбор правильный? – спросила я.

– Твой, – произнес он.

Я оглянулась вокруг, пытаясь понять, куда же мне все-таки пойти. Стоять на висящей над пропастью доске было страшно. Я сделала шаг в сторону и чуть не свалилась. Физически я почувствовала, как кровь в этот момент прилила к голове. Я закричала и отпрянула назад.

– Я иду не туда?

– Почему? – любопытствовал кто-то из-за спины.

– Но я же сейчас упаду! – возмутилась я.

– Ты упадешь в любом случае. Дело не в этом. Не это – твой вопрос.

– Как это? Я совсем не хочу падать. Я не хочу в пропасть!

– Никто не хочет, что же делать? Ведь ты-то уже в нее летишь, – произнес с сочувствием голос, и я вдруг поняла, что он прав, что доска подо мной – фикция, ведь она ни за что не держится и летит вниз вместе со мной.

Я дернулась всем телом и вдруг проснулась.

– Ты так кричала. Тебе что-то приснилось? – Надо мной склонилось заботливое лицо мамы.

– Мне надо сделать выбор, – автоматически повторила я, – но это бесполезно. Я все равно уже упала. Ты понимаешь, мам, я уже упала.

– Прекрати. У тебя, кажется, жар.

Она погладила меня по волосам, я окончательно проснулась, проверила свои ощущения в теле. Тело подтвердило, что оно болеет, что у него жар.

– Может, дашь мне аспирин? – попросила я.

– В твоём положении нельзя никаких лекарств, – заискивающе посмотрела на меня мама. – Ты и так пила валериану, но это еще куда ни шло...

– Откуда ты... – Я приподнялась на локтях и вперила в нее изучающий взгляд.

– Марго сказала. Я ей тут позвонила на днях, ты ходила такая странная, подавленная. Я просто попыталась узнать, что с тобой.

– Вот тепло, – взвилась я.

– Детка, но я же твоя мать. Что ж мне было делать, если ты молчала?

– Мам, я молчала, чтобы не расстраивать тебя. Ты ведь хочешь внуков.

– А ты решила... – Мама замолчала, глаза ее наполнились слезами.

Я честно заплакала вместе с ней, но в душе была спокойна. Вся истерика вышла наружу вместе с моими воплями, а сон довершил дело. Я поняла: теперь, что бы я ни предприняла, мне не избежать расплаты. Я уже упала. А вещие сны лишь помогают нам понять, что происходит, не более.

Наутро я договорилась на работе, что мне дадут больничный, и осталась дома. Аганесов с беспокойством допросил меня о самочувствии и предложил подвезти каких-нибудь продуктов.

– Спасибо, у меня все есть. Просто не увольняй меня за прогулы, – улыбнулась я и принялась болеть.

Температура к утру спала, она была, по-видимому, реакцией на стресс. Я лежала с прекрасными ощущениями в теле и наслаждалась привычной обстановкой моей комнаты, видом из окна на Сокольнический парк и парными котлетками. Мама, молчаливая и собранная, как партизан перед расстрелом, делала вид, что ничего не происходит. Ей это давалось с трудом. Она заботливо подкладывала мне добавку, а к обеду не удержалась и брякнула:

– Я бы с ним сидела. Подумаешь, без мужа. Сейчас это сплошь и рядом.

– Мама, я не хочу рожать от него. Ты сама говорила, что он плохой человек.

– Какая теперь разница, – вздохнула мама, но больше тему не поднимала.

Папа ходил вокруг меня на цыпочках и делал вид, будто я страшно хрупкая хрустальная ваза. Трогательно и тепло было видеть их лица, но даже их забота не могла стереть того впечатления, который во мне оставили последние события.

– Я делала аборт. Даже дважды. Ничего страшного, хотя приятного мало. Если хочешь, могу посоветовать врача, – сказала Алина, заехав ко мне после работы.

– А это больно? – переспросила я.

– Нет, если под наркозом. Просто потом как обычные месячные. А у тебя какой срок?

– Десять недель... – я задумалась, – или одиннадцать.

– Надо спешить. Аборты делают только до двенадцатой недели.

– А почему? – удивилась я.

– Ну, просто потом там уже полностью сформировавшийся человек. А это вроде как негуманно.

– А сейчас? – уперлась я. – Сейчас гуманно?

– Ты лучше не думай об этом. Думай, что ты чем-то больна и тебе нужна небольшая операция. А то трудно будет решиться, – посоветовала Алина.

Я подошла к окну и принялась думать, что я чем-то больна.

– А вдруг я умру? Было такое в мировой практике абортот?

– Ну, в мировой – наверное. А у нас – никогда. Даже и не фантазируй, все будет хорошо, – пообещала она и, написав на листке телефон знакомого гинеколога, убежала.

Я отстраненно посмотрела на сиротливый огрызок бумажки в коридоре и оставила его лежать там. Так и не смогла взять его в руки.

– К тебе приехать? – спросила Даша.

– Да, – ответила я. Не могу сказать, что без Дашки я пропала бы, но оставаться одной мне совсем не хотелось.

Она влетела в квартиру, расточая улыбки и аромат духов.

– Ты похожа на солнышко, – улыбнулась я.

– А ты на тучку.

– Ага, на злючку, – передразнила я. – Чаю хочешь?

– А коньяку нет? Жаль. Тогда чаю. – Дарья скинула платок, туфли и прочапала в кухню.

– Ты голодна? – Я открыла холодильник и уставилась в него.

– Что ты там хочешь найти? – полюбопытствовала Зайницкая.

– Наверное, ответы, – вздохнула я и захлопнула холодильник.

– А что, ты их до сих пор не нашла? – притворно удивилась Дашка. – Это же так просто!

– Да что ты? – злобно бросила я.

– А что? Чик – и ты на небесах. Я звонила Алинке, она сказала, что уже и телефон врача тебе дала. А ты взяла. Какие вопросы?

– Вредничаешь?

– Нет. Если ты все решила, то не разыгрывай из себя святую невинность.

– Я ничего не решила. Но ты так говоришь, словно советуешь мне оставить ребенка.

– Я ничего не советую. Но если ты хочешь знать мое мнение, я за то, чтобы ты послушала, что говорит твое сердце.

– Мое сердце плачет. – Я меланхолично наматывала на палец нитку скатерти.

– Тем более. Ты ведь давно хотела ребенка. И что? Вот он у тебя может быть, а ты даже не даешь себе права об этом подумать, потому что, видите ли, тебя оставил мужик.

– Я не хочу растить ребенка без отца. Каково ему будет? – отбивалась я.

– Каково ему будет, если его вообще не будет, – вот какой вопрос себе задай.

– Но я не могу его родить!

– Почему? – уставилась на меня Дарья.

– Ты так легко рассуждаешь. А сама родила и отдала ребенка маме, потому что у тебя не было средств его растить. Ты подумай, не было СРЕДСТВ. Смешно! У тебя есть и муж, и деньги. А все равно решение воспитывать ребенка, по сути, приняла твоя мать! А от меня ты требуешь, чтобы я рожала, рискуя карьерой. И при этом не имея поддержки со стороны отца! – Я разволновалась и снова стала плакать.

Дашка бросилась меня успокаивать.

– Ну, Ларочка, миленькая. Успокойся, решай как хочешь. Я же не говорю, что ты обязательно должна рожать. Просто мне бы хотелось, чтобы ты рассмотрела все варианты.

– Ты думаешь, у меня не было таких мыслей? – всхлипнула я. – Но это невозможно! Я не желаю иметь рядом с собой ребенка, который будет каждую минуту напоминать о Паше.

– Ты права, – грустно согласилась со мной Даша, и мы еще долго болтали, обнявшись, о том, как несправедлива и горька жизнь.

– А ты знаешь, – бросила она, уходя, – мне кто-то из знакомых в посольстве сказал такую вещь, что на самом деле мир справедлив. И ничего не происходит просто так.

– Не ново, – хмыкнула я.

– Да не в этом дело. Он сказал, что, очень может быть, мы сами создаем тот мир, в котором живем. И создаем его в точном соответствии со своими желаниями и стремлениями.

– И что? – спросила я.

– А то. Интересные тогда у нас всех стремления и желания. Не считаешь?

Я кивнула и засмеялась. Действительно, в самом страшном сне мне не мечталось оказаться в таком диком положении.

Через два дня я сидела с Алиной в приемной ее знакомого доктора. Была пятница, я пришла сюда после работы, отпросилась на пару часов, так как пропустить опять весь день было бы свинством. Работы на меня навалили кучу; я целый день строчила исковые заявления, жалобы и ходатайства, полностью погрузившись в текущий момент, и чуть не забыла, что должна ехать на аборт. Доктор, знакомый Алины, пожилой человек с усталым грустным голосом, пригласил меня на четыре часа, так как раньше у него все расписано и осмотреть он меня не может. Если все будет в порядке, он прооперирует меня завтра утром, в субботу. В порядке исключения, только из уважения к моим проблемам на работе и из любви к деньгам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.